

Древнее зло не приходит с громом.
Оно просачивается сквозь щели

ОМЧТ

Рассказы, после которых
ты перестанешь спать в темноте

Александр Рыжков

18+

Александр Рыжков

Омут

«Автор»

2026

Рыжков А.

Омут / А. Рыжков — «Автор», 2026

«ОМУТ» — это не просто книга. Это погружение в вязкий, первобытный ужас славянского фольклора, где нет места добрым сказкам, а старые боги откликаются лишь на пролитую кровь. Пять мрачных историй, сплетенных единой, темной пуповиной: Мертвая гать: придет за сыном сурового охотника, окутав деревню. Слепая криница: поднимет из раскопанного колодца древнее проклятие. Река из костей: сломает рассудок бывалым дружинникам, рискнувшим сократить путь через проклятый брод. Дурная заводь: обернется местью убитой девушки, которая просочится в дома своих палачей. Черный омут: разинет свою не замерзающую зимнюю пасть. Здесь мертвецы говорят голосами любимых, железо ржавеет от одного прикосновения скверны, а люди, доведенные до отчаяния, сами шагают в бездну. Это история о сильных и сломленных. О тех, кто готов бросить вызов самой смерти, выдирая своих близких из щупалец трясины, и о тех, кто сдается, позволяя черной жиже заполнить легкие. Вы готовы подойти к краю? Сделайте глубокий вдох.

© Рыжков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Омут	5
Девья Топь	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Рыжков

Омут

Омут

Предисловие: Чёрная вода помнит всё.

До того, как первый волхв вырезал из дубовой колоды лик сурового бога. До того, как человек догадался добыть искру из кремня, чтобы разогнать тьму. До того, как появились первые слова для обозначения страха. Вода уже лежала в низинах, терпеливая, холодная и абсолютно немая.

Безымянный путник стоял на коленях у самого края омута. Его дыхание с хрипом вырывалось из груди, оседая сизым паром в стылом осеннем воздухе. Он бежал через чащу несколько дней. От кого? Теперь это уже не имело значения. Лес сожрал его прошлое, а то, что лежало перед ним, собиралось сожрать его будущее.

Здесь, в сердце непроходимой пуши, не пели птицы. Не шуршали в прелой листве мелкие звери. Даже ветер обходил это место стороной, словно боялся потревожить мертвую гладь. Омут был идеально круглым, похожим на вырванный глаз земли, в котором запеклась черная кровь.

Путник оперся стертыми в кровь ладонями о склизкий, поросший белесым мхом корень. Его мучила жажда. Горло горело так, будто он наглотался горячей золы. Ему нужно было лишь наклониться и зачерпнуть пригоршню. Всего один глоток.

Человек заставил себя наклониться ниже. Дрожащая рука потянулась к поверхности, почти касаясь ее. И в этот момент идеальное черное зеркало дрогнуло.

Сначала путнику показалось, что это просто гнилой лист упал с ветки. Но кругов не было. Движение происходило там, внизу. Из непроглядной глубины навстречу ему медленно поднималось нечто бледное.

Он замер, парализованный первобытным, сковывающим внутренности ужасом. Разум кричал ему: *«Беги! Встань и беги не оглядываясь!»* — но тело больше ему не принадлежало. Он смотрел в омут, а омут смотрел в него.

Бледное пятно обретало очертания. Это было лицо.

Опухшее, залитое смертельной синевой, с раздутыми губами и широко распахнутыми глазами, в которых не осталось зрачков — только мутные бельма. Лицо не принадлежало человеку. Когда-то, возможно, да. Но сейчас это была лишь пустая оболочка, маска, за которой скрывалось нечто древнее, голодное и бесконечно злое.

Потом рядом с первым лицом появилось второе. Третье. Десятки лиц. Они всплывали из мрака, безмолвно крича, царапая изнутри пленку поверхностного натяжения. Женщины с волосами, похожими на спутанную тину. Мужчины с разорванными глотками. Дети с черными дырами вместо глаз.

Они не звали на помощь. Они приглашали.

Путник понял это с кристальной, сводящей с ума ясностью. Он понял и еще кое-что, нечто куда более страшное. Эта вода не стояла на месте. Глубоко под землей, в абсолютной темноте, она текла по извилистым венам мира. Этот омут был связан с каждым гнилым болотом, с каждым лесным колодцем, с каждой тихой речной заводью и с каждой трещиной во льду зимнего озера.

Везде, где есть темная вода, есть Они. Они всегда голодны. И они умеют ждать.

Разум путника окончательно надломился, как сухая ветка под сапогом. Он не закричал. Вместо этого его губы растянулись в безумной, искаженной улыбке. Он подался вперед, навстречу слепым глазам, позволяя черной воде ласково коснуться его лица.

Раздался тихий всплеск. А потом лес снова погрузился в мертвую тишину.

Омут сомкнулся, не оставив даже ряби. Вода вернулась к своему первозданному покою. Она помнила всех, кто приходил к ее берегам. И теперь она приготовилась рассказать их истории.

Девья Топь

Глава 1

Вода не умеет прощать. Люди молятся Светлому Перуну, когда небо разрывают грозы, несут требы Велесу, чтобы скот пережил зиму, и кланяются Матери Сырой Земле за щедрый урожай. Но воду они воспринимают как данность. Они пьют ее, смывают в ней пот и кровь, пускают по ней свои легкие деревянные челны, наивно полагая, что река — это лишь покорная дорога.

Глупцы.

Вода была здесь до того, как первый человек ударил камнем о камень, высекая искру. Она будет здесь и тогда, когда от человеческого рода останется лишь пыль. Вода помнит всё. Она хранит в своих ледяных глубинах тайны, от которых у смертных седеют волосы, и богов, чьи имена слишком страшны, чтобы произносить их вслух. Вода дает жизнь, но ровно до тех пор, пока не проголодается. А голод древних всегда требует одного — живой, горячей крови.

В ночь на Купалу лето достигло своего зенита. Воздух над Черным Яром — укрепленным городищем, обнесенным высоким частоколом из заостренных дубовых бревен, — дрожал от зноя даже после захода солнца.

Сегодня мир живых и мир Нави соприкоснулись, истончившись до состояния прозрачной слюды. Лес вокруг городища дышал густыми ароматами цветущего папоротника, горькой полыни и сладкого, дурманящего разнотравья. В центре деревни, на широкой утоптанной площади, ревел гигантский костер. Его языки жадно лизали ночное небо, разбрасывая снопы золотых искр, словно пытаясь поджечь сами звезды.

Рада сидела на перевернутой колоде в тени старой кузни, в стороне от всеобщего веселья. В свои восемнадцать весен она уже знала, что отличается от других девок Черного Яра. В то время как они щебетали о парнях, расшивали рубахи красными петухами и мечтали о замужестве, Рада слушала лес. Она могла безошибочно найти в чащобе целебный корень, знала, в какую ночь лучше резать крапиву для пряжи, и чувствовала приближение грозы за сутки до того, как на небе появлялось первое облако. За это ее побаивались. Не гнали, но и в свой тесный хоровод не пускали.

Ее темные, густые волосы были переплетены лентами, на шее тяжелела нитка речного жемчуга — единственное наследство от матери. Рада задумчиво крутила в руках венок из иванда-марьи и зверобоя.

— Эй, ворона! Чего нахохлилась в тени? Праздник же!

К ней подбежала Милица. Если Рада была похожа на глубокую, тихую лесную заводь, то Милица была бурлящим весенним ручьем. Дочь кузнеца Радима, первая красавица Черного Яра, она буквально светила жизнью. Ее льняные волосы, перехваченные расшитым очельем, разметались по плечам, щеки пылали румянцем от плясок у костра, а в васильковых глазах плясали бесенята. На ней была лучшая белая рубаха, подол которой уже успел испачкаться в золе.

— Костер слишком жаркий сегодня, — тихо ответила Рада, поднимая на подругу серьезный взгляд. — И дым стелется низко. К воде тянет.

— Так и нас к воде тянет! — звонко рассмеялась Милица, падая рядом с Радой на траву и обхватывая колени руками. — Скоро полночь. Венки пускать пойдем. Я свой так сплела, что ни один водоворот не потопит. Знаешь, на кого загадывать буду?

Рада чуть заметно улыбнулась. — Будто во всем Яре есть хоть кто-то, кто не знает. Белояр с тебя глаз не сводит весь вечер.

При имени лучшего молодого охотника деревни Милица зарделась еще гуще, хотя казалось, это было невозможно. Белояр был гордостью племени: высок, широк в плечах, с тяжелым взглядом исподлобья и руками, способными свернуть шею волку. Многие девки сохли по нему, но он выбрал Милицу.

— Он сказал, что если мой венок доплывет до излучины, он на Покров зашлет к отцу сватов, — зашептала Милица, подавшись вперед. Ее глаза сияли фанатичной, почти пугающей радостью. — Я так его люблю, Рада. До одури люблю. Мне иногда кажется, что если он на другую посмотрит — я сама в Свирь брошусь!

— Не говори так, — резко оборвала ее Рада. Сердце почему-то болезненно сжалось, а по спине пробежал внезапный холодок. — С водой такими словами не шутят. В Купальскую ночь река все слышит.

— Ой, да брось ты свои волховские страшилки! — отмахнулась Милица, вскакивая на ноги. — Идем прыгать через огонь! Белояр уже зовет!

Она схватила Раду за руку и потащила в толпу. Жар от костра ударил в лицо удушливой волной. Вокруг играли гусли, стучали бубны, люди пели обрядовые песни, восхваляя плодородие земли и силу солнца. Парни и девушки, взявшись за руки, разбегались и прыгали через высокое пламя. Если руки не расцеплялись — быть крепкой свадьбе.

Милица вырвалась вперед и подбежала к Белояру. Охотник сгреб ее маленькую ладошку в свою огромную лапу, широко улыбнулся, обнажив крепкие белые зубы. Они разбежались. Прыжок.

Рада смотрела на них, затаив дыхание. Они летели над огнем красиво, как две вольные птицы. Но в самый пик прыжка, когда они были прямо над ревущим пламенем, раздался громкий треск. Толстое березовое полено в костре лопнуло, выбросив в небо сноп черного, удушливого дыма. Белояр инстинктивно дернулся, закрывая лицо локтем, и их руки разжались.

Они приземлились по ту сторону костра порознь.

Милица побледнела. Белояр виновато потер переносицу, пытаясь отшутиться, мол, дым глаза выел, но вокруг них уже поползли тревожные шепотки бабок. Расцепили руки над огнем — плохая примета. К долгой разлуке. Или к беде.

— Глупости все это, — пробормотала Милица, подходя к Раде. Ее веселье как рукой сняло. Она нервно теребила подол рубахи. — Ничего страшного. Главное — венок пустить. Вода рассудит вернее огня.

К полуночи костер начал оседать, превращаясь в гору багрово-золотых углей. Старики потянулись к избам, а молодежь — парни и девки — с веселым смехом и песнями двинулись вниз по склону, к берегам Свири.

Свирь была рекой своенравной. Местами узкая и быстрая, она неслась по камням, вспениваясь бурунами, но у самого Черного Яра она делала широкую, тяжелую петлю. Здесь вода замедляла свой бег, становясь темной, непроглядной и пугающе глубокой. Это место называли Омут. Старожилы говорили, что дна там нет вовсе, и что именно оттуда берет свое начало подземная река, ведущая в самую Навь.

Когда толпа спустилась к воде, шум поутих. Ночная река подавляла. От нее веяло могильным холодом, а на противоположном берегу, где начиналась проклятая Девья Топь, в корнях мертвых деревьев курился белый, плотный туман. Он не стелился по воде, а извивался, словно живой, вытягивая к людям бледные, полупрозрачные щупальца.

— Ну, девки, пора! — крикнула бойкая Забава, первая бросая свой венок со вставленной в него горячей лучиной на темную гладь.

Венки поплыли один за другим, превращая реку в звездное небо. Парни стояли поодаль, вглядываясь в воду и пытаясь угадать, чей венок куда поплывет.

Рада опустила свой зверобойный венок в воду. Он мягко качнулся и медленно поплыл вдоль берега. Девушка подняла глаза и посмотрела на Омут. Луна сегодня была полной, нали-

той болезненным желтым светом. Ее дорожка пересекала реку, но почему-то не отражалась в самом центре Омута. Там была лишь идеальная, поглощающая свет чернота. И оттуда, из этой черноты, на Раду кто-то смотрел.

Это не было физическим зрением. Это было давящее чувство чужого, голодного внимания. У Рады заныли зубы от инстинктивного ужаса.

— Плыви, плыви, мой хороший! — раздался рядом звонкий голос Милицы.

Рада повернулась и похолодела. Милица зашла в воду уже по колено. Ее роскошный венок, сплетенный из белых кувшинок и папоротника, почему-то не подхватило течением. Он медленно, словно привязанный невидимой нитью, отдалялся от берега, двигаясь прямо к центру Омута.

— Милица, вернись! — крикнула Рада, делая шаг к воде. — Глубоко уже!

— Я только подтолкну его! Он запутался в тине! — отмахнулась Милица, делая еще шаг. Вода дошла ей до середины бедра. Белая рубаха намокла, облепив тело.

— Белояр! — обернулась Рада к толпе парней. — Скажи ей! Вода сегодня дурная!

Охотник шагнул было к берегу, но тут произошло нечто странное. Ветер внезапно стих. Абсолютно. Замерли листья на ивах, заглохли сверчки в траве. Река, секунду назад тихо журчавшая о камни, остановилась. Поверхность Свири стала гладкой, как отполированное черное зеркало.

Венки с горящими лучинами перестали плыть. Они замерли на месте.

Милица стояла по пояс в воде. Она протянула руку к своему венку, но вдруг замерла. Ее взгляд, устремленный вниз, на темную воду перед собой, изменился. Веселье исчезло. Лицо разгладилось, превратившись в безжизненную маску. Глаза широко раскрылись.

— Милица?.. — позвал с берега Белояр, чувствуя, как невидимая удавка страха сжимает горло.

Милица не обернулась. Она медленно, словно во сне, наклонила голову. — Какой... красивый, — прошептала она. В абсолютной тишине ее голос разнесся над рекой неестественно громко. — Какие у тебя глаза... Изумрудные.

— Кому ты там говоришь, дурная?! — взревел Белояр, бросаясь к воде.

Но он не успел.

Вода вокруг Милицы внезапно закипела. Это был не всплеск рыбы. Черная гладь разорвалась с отвратительным, влажным чваканьем. Из глубины метнулось нечто бледное, длинное и покрытое скользкой чешуей, похожей на рыбу. Оно обхватило Милицу поперек талии.

Девушка не закричала. Вместо этого на ее лице появилась искаженная, безумная улыбка — улыбка абсолютного, губельного наваждения.

Тварь рванула ее вниз.

Рада, не помня себя от ужаса, бросилась в реку. Она нырнула с головой, пробивая ледяную толщу воды. Холод обжег легкие, но она открыла глаза. В мутной, желтоватой воде лунного света она увидела их.

Милица стремительно погружалась на дно Омута. Ее волосы развевались, как водоросли. А за ней...

Рада ожидала увидеть чудовище из сказок, гигантского сома или водяного с жабым лицом. Но то, что увлекало Милицу на дно, имело человекоподобную форму. Гигантское, вытянутое тело, сотканное из гнилого ила, перепутанных корней и бледной, раздутой плоти утопленников. У него не было лица в привычном понимании, лишь пульсирующая масса речной грязи, в которой горели два узких, невыносимо ярких изумрудных огня.

Это был Хозяин Вод. Древний дух Омута.

Рада из последних сил рванулась вперед и схватила Милицу за левое запястье.

В ту же секунду ее пронзила боль, какой она никогда в жизни не испытывала. Боль была не от того, что суставы вытягивались под тяжестью. Это был могильный, парализующий холод,

который ударил по венам прямо из руки Милицы. Рада увидела глаза подруги. Васильковый цвет исчез. Глаза Милицы были залиты черной, маслянистой жижей. Она посмотрела на Раду, и ее мертвые губы беззвучно прошептали в толще воды:

«Отпусти. Он любит меня».

Существо на дне обратило свой взор на Раду. Изумрудные огни вспыхнули ярче. Рада почувствовала, как в ее разум вторгается чужая, подавляющая воля. Это было давление тысячетелней толщи воды. Голос Хозяина зазвучал в ее голове — влажный, булькающий, состоящий из предсмертных хрипов всех, кто когда-либо захлебнулся в Свири.

«Сла-а-адкая кровь... Оставь ее, дева. Твое время еще не пришло. Но я запомню твой вкус».

Мертвая хватка Милицы сомкнулась на руке Рады. Пальцы утопленницы сжались с такой нечеловеческой силой, что Рада услышала хруст собственных костей. А затем Хозяин Вод дернул свою добычу во тьму.

Раду отшвырнуло к поверхности. Она вынырнула, судорожно хватая ртом воздух, смешанный с запахом речной гнили, и зашлась в истеричном кашле.

Вокруг творился ад. Девки визжали, бросаясь прочь от берега. Белояр нырял раз за разом, выплывая с пустыми руками, его лицо было искажено отчаянием и яростью. Мужики уже бежали из деревни с горящими факелами и баграми.

Чьи-то сильные руки подхватили Раду и вытащили на берег. Она упала на влажную траву, дрожа крупной дрожью, не в силах вымолвить ни слова. Ее левая рука горела огнем.

— Расступитесь! Дайте пройти! — раздался скрипучий, властный голос.

Сквозь толпу перепуганных людей, опираясь на узловатый посох, увенчанный черепом куницы, шел Жихарь. Старый волхв, чье лицо было изрезано глубокими морщинами, как кора старого дуба. Его единственный зрячий глаз скользнул по черной воде Омута, по бьющемуся в истерике Белояру, которого мужики силой удерживали на берегу, и остановился на Раде.

Жихарь подошел к девушке, опустился перед ней на колени и грубо схватил за левую руку, поднося ее к свету факела.

Толпа вокруг ахнула.

На бледной коже Рады, в том месте, где ее схватила Милица, наливались страшные, угольно-черные синяки, в точности повторяющие отпечаток пяти пальцев. Но это были не просто ушибы. От синяков под кожей, словно черви, медленно расползались темные нити некроза. Кожа вокруг них была ледяной и покрытой каплями речной воды, которая не высыхала.

Жихарь долго смотрел на метку, и его лицо помрачнело так, словно он только что увидел конец света.

— Что это, дедушка? — пролепетала Рада, лязгая зубами. — Милица... Она... ее забрал...

— Я знаю, что ты видела, ворона, — тяжело вздохнул волхв, отпуская ее руку. Он поднялся и повернулся к притихшей толпе. Ветер с реки снова задул, принес с собой запах разлагающихся водорослей и тухлой рыбы.

— Перестаньте багрить воду! — крикнул Жихарь мужикам. — Вы ее не найдете! Дна здесь нет!

— Я достану ее! — прорычал Белояр, вырываясь из рук десятника. Его глаза налились кровью, с волос текли ручьи воды. — Я убью ту тварь, что утащила мою невесту!

— Твоя невеста мертва, Белояр! — голос старого волхва хлестнул, как удар плети. — И то, чем она станет к утру, ты не захочешь встретить в темном переулке.

Жихарь ударил посохом о землю. Дерево гулко отозвалось в наступившей тишине.

— Праздник окончен. Боги отвернулись от Черного Яра в эту ночь. Хозяин Вод проснулся от долгого сна. Пятьдесят зим он спал на дне своего Омута, довольствуясь слепыми кутятами да старыми коровами. Но сегодня он отведал свежей девичьей крови. Он принял требу.

Старик перевел свой единственный, горящий во тьме глаз на Раду, всё еще лежащую на траве.

— А эту он пометил, — тихо, но так, чтобы услышали все, произнес Жихарь. — Вода теперь в ее венах. Хозяин Вод вернется. И он не успокоится, пока не заберет ту, что посмела прикоснуться к его невесте.

Венки, пущенные девками, давно потухли, но теперь Рада видела, как в самом центре Омута, там, куда утащили Милицу, медленно расходились по черной воде тяжелые, маслянистые круги. И где-то в глубине ее разума, заставляя черную метку на запястье болезненно пульсировать, звучал низкий, булькающий смех речного демона.

Глава 2

Утро после Купальской ночи пришло в Черный Яр не с пением птиц, а с тяжелой, удушливой тишиной. Солнце взошло тусклым, словно сквозь мутное стекло, скрытое за густой белевой дымкой, поднявшейся от реки. Запах сгоревшего дерева смешался с тошнотворным духом речной тины, который теперь, казалось, пропитал сами бревна изб.

Рада проснулась на своей лавке, укрытая грубым льняным полотном, и первым, что она ощутила, был холод. Не утренняя прохлада, а могильный, вымораживающий кости лед, идущий изнутри.

Она резко села, тяжело дыша. Воспоминания минувшей ночи обрушились на нее, как каменная глыба: черная вода Омута, безумная улыбка Милицы, изумрудные огни на дне и нечеловеческая хватка мертвеца.

Рада с содроганием откинула ткань и посмотрела на свою левую руку.

То, что ночью казалось страшными синяками, теперь превратилось во что-то невообразимо жуткое. Отпечаток пяти пальцев Милицы на ее запястье потемнел, став цвета запекшейся крови и старого угля. Но хуже всего было то, что метка жила. Из-под черных пятен вверх по предплечью, словно корни ядовитого растения, медленно ползли темные, вздутые вены. Они пульсировали в такт биению ее сердца, но кровь в них, казалось, была ледяной. Кожа вокруг метки побледнела, приобретя восковой, мертвенный оттенок. От руки пахло стоячей водой и увядшими кувшинками.

Рада попыталась растереть руку здоровой ладонью, надеясь разогнать кровь, но прикосновение отозвалось такой пронзительной болью, что девушка закусил губу, чтобы не закричать. Это была не просто рана. Это была гниль, пустившая корни в ее живую плоть.

«Вода теперь в ее венах. Хозяин Вод вернется», — прозвучал в памяти скрипучий голос Жихаря.

Она встала, накинула на плечи темную поневу и вышла во двор. Ей нужно было к колодцу. Жажда сжигала горло.

Черный Яр обычно просыпался рано: мычали коровы, скрипели колодезные журавли, переругивались бабы. Сегодня городище было парализовано страхом. Люди перемещались перебежками, бросая испуганные взгляды в сторону южного частокола, за которым текла Свирь.

Когда Рада подошла к колодцу на центральной площади, там стояли несколько женщин. Увидев ее, они мгновенно замолчали. Их лица вытянулись, глаза округлились от первобытного ужаса. Одна из них, дородная тетка Малуша, торопливо перекрестилась, сложив пальцы в древнем обережном знаке, сплюнула через левое плечо и, побросав пустые ведра, едва ли не бегом бросилась прочь. Остальные последовали ее примеру.

Они расступались перед ней, как перед прокаженной. В их глазах Рада читала не сочувствие. Она читала приговор. Для них она уже была покойницей, ходячим мертвецом, чье присутствие могло навлечь гнев чудовища из Омута на их дома.

Рада молча подошла к срубам, опустила бадью. Деревянный ворот скрипел в звенящей тишине. Вытянув воду, она зачерпнула ее деревянным ковшом и поднесла к губам.

Но стоило ледяной, чистой колодезной воде коснуться ее языка, как горло свело спазмом. Вода показалась ей горькой, как желчь, отдающей железом и пеплом. Рада выплюнула ее, закашлявшись. Жажда никуда не ушла, но чистая вода отторгалась телом. В голове промелькнула пугающая мысль: ее тело требовало другой воды. Воды из реки.

— Почему ты жива?

Голос прозвучал хрипло, надломленно.

Рада обернулась. Позади нее стоял Белояр. За одну ночь первый охотник деревни постарел на десять лет. Его лицо осунулось, под глазами залегли черные тени, могучие плечи опустились. Рубаха была порвана, на руках виднелись ссадины и грязь — следы его безумных, бесплодных попыток достать Милицу со дна. В его правой руке судорожно сжималось древко тяжелой рогатины.

— Белояр... — тихо начала Рада, делая к нему шаг.

— Стой где стоишь! — рыкнул он, выставляя рогатину вперед, словно защищаясь от дикого зверя. Его взгляд был безумен, в нем плескалась смесь горя и ненависти. — Почему она забрала ее, а тебя оставила? Ты была рядом! Ты держала ее! Почему ты отпустила?!

— Я не отпускала! — крикнула Рада, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы бесилия. — Она сама схватила меня! Это было не в моих силах, Белояр! Хозяин Вод утянул ее! Он был там, на дне, он смотрел на меня!

— Не смей произносить его имя! — Белояр шагнул к ней, тяжело дыша. От него пахло перегаром и отчаянием. Он устался на ее левую руку, которую она инстинктивно прижала к груди. — Покажи.

— Не надо...

— Покажи!

Он грубо рванул ее за плечо. Понева соскользнула, обнажив левую руку. Увидев черные, расплзающиеся под кожей вены и мертвенный отпечаток пальцев его невесты, Белояр отшатнулся, словно его ударили кнутом. На его лице отразилось такое глубокое отвращение, что Раде захотелось провалиться сквозь землю.

— Ты проклята, — прошептал он, пятясь. — Жихарь прав. Ты принадлежишь Ему. Ты теперь приманка. Из-за тебя эта тварь придет в наши дома.

— Я не виновата! — в отчаянии крикнула Рада ему вслед, но охотник уже развернулся и быстро зашагал прочь, ссутулившись, словно неся на плечах невидимую гору.

Толпа зевак, наблюдавшая за сценой из-за углов изб, начала угрожающе перешептываться. Философия страха была проста: чтобы спасти тело, нужно отсечь гниющую конечность. Рада поняла, что если она останется на площади, к вечеру страх превратится в ярость, и мужики придут за ней с вилами, чтобы бросить обратно в Омут и успокоить речного духа.

Она накинула поневу и почти бегом направилась на окраину городища, туда, где на высоком холме, вплотную примыкая к частоколу, стояла избушка волхва Жихаря.

Жилище старого шамана было пропитано запахами сушеных трав, звериных шкур и едкого дыма. Под потолком висели пучки полыни, зверобоя и чертополоха. На стенах скалились черепа волков и медведей, призванные отпугивать нечисть из Нави.

Жихарь сидел у очага, в котором даже летом тлели угли. Он плел из суровых нитей сложную вязь — защитные наузы. При виде Рады он не удивился, лишь указал узловатым пальцем на низкую скамью напротив себя.

— Садись, ворона. Вижу, люди уже начали смотреть на тебя, как на зачумленную собаку.

Рада опустилась на скамью, чувствуя, как дрожат колени. — Что со мной происходит, дедушка? — прошептала она, протягивая ему изуродованную руку. — Оно ползет. Оно холодное. И я... я не могу пить чистую воду.

Жихарь наклонился, его единственный, выцветший, но пронзительный глаз впился в черные вены. Он не стал касаться ее кожи. Вместо этого он взял из чаши горсть крупной соли, смешанной с золой, и бросил на метку.

Рада вскрикнула. Соль обожгла кожу, словно раскаленный металл. Черные вены под кожей угрожающе запульсировали, зашевелились, пытаясь уйти глубже в мышцы, прячась от очищающей боли. Запахло паленой плотью и тиной.

— Терпи, — жестко отрезал волхв. — Это не твоя боль. Это боль той скверны, что сидит в тебе.

Он откинулся назад и долго молчал, глядя в тлеющие угли. — Глупые люди, — наконец заговорил Жихарь. Его голос был тихим, похожим на шелест сухих листьев. — Они думают, что вода — это просто то, что утоляет жажду. Они забыли, что вода — это граница. Зеркало, разделяющее мир Яви, где мы дышим, и мир Нави, где обитают те, кто был до нас.

— Кто такой Хозяин Вод? — спросила Рада, баюкая пульсирующую руку. — Я видела его. Это не просто зверь. В нем есть... разум. Древний, страшный разум.

— Он, воплощение самой Свири. Ее гнилое сердце, — кивнул старик. — Сотни лет назад наши предки не строили мостов. Они знали, что река требует платы за каждый переход, за каждую выловленную рыбу. Ей отдавали первенцев скота, бросали в воду золото и хлеб. А когда река голодала по-настоящему... ей отдавали невинных дев.

Рада содрогнулась. — Жертвоприношения?

— Кровный договор, — поправил Жихарь. — Но мы забыли старые клятвы. Мы возомнили себя хозяевами земли. Мы перестали кормить реку. И тогда он уснул. Долго спал. Но вчерашняя ночь, жаркий костер, девичьи песни... Все это разбудило его голод. А Милица... Милица сама шагнула к нему в пасть. Она пустила венок слишком далеко, она позвала его своими мыслями. Водяная нечисть питается не только плотью. Она питается страстью, тоской, наваждением. Он почуял в ней эту слепую любовь к охотнику и обернул ее против нее самой. Очаровал. Заворожил.

— Почему он оставил метку на мне? Почему не утащил вместе с ней?

Жихарь тяжело посмотрел на девушку. — Потому что ты сопротивлялась. Ты нарушила его пир. Вода не терпит непокорности. Он пометил тебя, Рада. Эта чернота в твоих венах — это его семя, его гнилая магия. Она будет расти. Она пожрет твоё тепло, твои мысли, твою человечность. День за днем тебе будет все холоднее. Ты перестанешь спать. Голоса утопленников начнут шептать тебе в уши. А потом наступит момент, когда жажда речной воды станет невыносимой. И ты сама придешь к нему. Ночью. Молча. И шагнешь в Омут, чтобы стать одной из его мавок — неупокоенных речных дев.

У Рады перехватило дыхание. Комната вдруг показалась невыносимо тесной. — Как это остановить? Отрезать руку? Я готова! Отрежь ее, дедушка!

— Глупая, — горько усмехнулся волхв. — Гниль уже в твоей крови. Отрежешь руку — умрешь от потери крови, а твоя душа все равно достанется ему. Нет от этого лекарства в мире людей.

— Значит, я умру?

Жихарь наклонился ближе к ней. — Омут силен, потому что он питается смертью. Но в нашем лесу есть место, которого боится даже сам Хозяин Вод. Там, за Свирию, лежит Девья Топь. Гиблое болото. Ни один человек в здравом уме туда не ходит. В самом сердце Топи стоит Черный камень. Камень, упавший с неба, когда боги еще ходили по земле. Там спит сила, более древняя, чем река. Сила, способная выжечь любую скверну. Но путь туда — это путь в один конец, Рада.

— Я пойду, — твердо сказала она. Страх перед неминуемым безумием и превращением в речное чудовище был сильнее страха перед неведомым болотом.

— Не сегодня, — покачал головой Жихарь. — Туда нельзя идти без подготовки. Тебе нужно продержаться эту ночь. Омут будет звать тебя. Он будет тянуть за эту невидимую нить.

Старик снял со своей шеи кожаный шнурок, на котором висел странный, тускло мерцающий нож, выточенный из черного вулканического стекла — обсидиана. — Возьми. Этот камень рожден в огне земных недр. Вода ненавидит его. Когда зов станет невыносимым, когда ты почувствуешь, что теряешь разум — прижми лезвие к метке. Боль отрезвит. Но помни: не верь своим глазам. Не верь ушам. Вода лжива. Она покажет тебе то, что ты хочешь видеть, или то, чего боишься больше всего. Иди в свою избу. Запрись. Засыпь порог четверговой солью и не выходи до рассвета, что бы ты ни услышала.

Рада сжала обсидиановый нож. Камень был теплым, почти горячим. — Спасибо, дедушка.

— Не благодари. Если ты не переживешь эту ночь, завтра мужики сожгут твою избу вместе с тобой. Я им мешать не стану. Племя должно выжить.

Сумерки сгущались над Черным Яром стремительно, словно небо кто-то заливал чернилами. Рада сидела на полу в своей избе, забившись в самый дальний угол, спиной к печи. Двери и ставни были наглухо закрыты, щели заткнуты тряпками, а порог и подоконники густо посыпаны солью, смешанной с сушеной крапивой.

В избе горела единственная сальная свеча, отбрасывая на бревенчатые стены пляшущие, уродливые тени.

Время тянулось невыносимо медленно.

Сначала пришел холод. Он не проникал снаружи, он рождался внутри ее левой руки. Черные вены на запястье вздулись так, что, казалось, вот-вот прорвут кожу. Холод пополз вверх к плечу, сковывая мышцы, заставляя Раду стучать зубами. Она завернулась в две овчинные шубы, но это не помогало. Холод был потусторонним.

Затем начались звуки.

Звук падающих капель раздавался откуда-то сверху, с сухого потолка избы. Рада подняла голову. С крыши ничего не капало, но звук становился все громче, навязчивее. Он отдавался эхом в ее черепе.

Вскоре воздух в избе изменился. Исчез запах сушеных грибов и печной золы. Помещение наполнилось густым, удушливым зловонием гниющих водорослей, разложившейся рыбы и сырого ила. Запах был настолько плотным, что Раду чуть не вырвало.

Она зажмурилась, прижимая к груди обсидиановый нож. «Это морок. Это просто морок. Не верь воде», — твердила она про себя слова Жихаря.

Это был не ветер. Это был шепот. Десятки, сотни голосов, сливающихся в единый гул. Они доносились из-под половиц, из-за стен, струились из щелей.

«Жарко... как же жарко в этом гробу...» — шептал мужской голос. *«Иди к нам, дитя... Здесь покой. Здесь нет боли...»* — вторил ему женский, булькающий баритон. *«Мы ждем. Хозяин ждет. Сними эти тяжелые шкуры. Открой дверь...»*

Рада зажала уши руками, но голоса звучали прямо в ее мозгу. Метка на руке горела ледяным пламенем, дергая ее нервы, словно кукловод дергает за ниточки марионетку.

И тут среди какофонии мертвых голосов выделился один. Ясный, звонкий, до боли знакомый.

— Рада... Радочка... Помоги мне...

Милица.

Рада распахнула глаза. Свеча моргнула и погасла, погрузив избу в абсолютную темноту. Но темнота не была пустой.

— Мне так холодно, Рада... — голос Милицы доносился снаружи, прямо из-за входной двери. Заскрипели доски. Кто-то слабо, жалобно заскребся ногтями по дереву. — Белояр прогнал меня. Он испугался меня. Впусти... Пожалуйста, открой дверь. Я вырвалась. Я сбежала от него...

Сердце Рады болезненно сжалось. Разум кричал, что это ложь, что Милица на дне Омута, но инстинкт, человеческое сострадание рвались наружу.

— Милица? — дрожащим голосом спросила Рада в темноту.

— Да, это я... Мне больно, Рада. Вода жжет. Открой дверь, умоляю. Я больше не могу стоять. Я падаю...

Скрип ногтей по двери стал отчаянным.

Метка на левой руке дернулась с такой силой, что Раду швырнуло вперед. Неведомая сила подняла ее на ноги. Ее собственное тело перестало ей подчиняться. Левая рука, вытянутая вперед, потянула ее к выходу.

Шаг. Еще шаг.

«Стой! Не смей!» — мысленно кричала Рада, пытаясь упереться ногами в пол, но мышцы не слушались. Она шла, как лунатик.

Правая рука, в которой был зажат нож Жихаря, безвольно висела вдоль туловища.

Рада подошла к двери. Ее левая рука медленно потянулась к тяжелому деревянному засову.

— Да, Рада... Открой... Мы пойдем к реке вместе... — сладко проворковал голос Милицы за дверью.

Пальцы Рады легли на засов. В этот момент она посмотрела на щель между досками двери. Сквозь нее пробивался тусклый лунный свет. И в этой узкой полоске света она увидела глаз.

Он не был человеческим. Он был огромным, лишенным белка, с вертикальным зрачком, мерцающим жутким, холодным изумрудным светом. Глаз внимательно, не моргая, изучал ее. В нем плескалась бесконечная, чудовищная злоба и голод.

Это был чужой взгляд из-под воды. Взгляд Хозяина. Он стоял прямо за ее дверью.

Ужас, пронзивший Раду, был настолько первобытным, что разорвал паралич воли. Она резко вскинула правую руку и со всего размаху, не жалея сил, вонзила обсидиановый нож себе в левое предплечье, прямо в центр черных, пульсирующих вен.

Лезвие из вулканического стекла вошло в плоть.

Раздался звук, похожий на змеиное шипение. Из раны брызнула не красная, а черная, густая как смола кровь. Она зашипела, попадая на лезвие, испуская струйки зловонного пара.

Рада рухнула на колени, крича от разрывающей боли, но вместе с болью пришло освобождение. Пелена наваждения спала. Мертвые голоса в голове смолкли, превратившись в разочарованный вой.

За дверью раздался тяжелый, мокрый удар, от которого затряслись стены избы, а затем звук чего-то огромного, уползающего прочь, во тьму, в сторону реки.

Рада лежала на полу, тяжело дыша, баюкая кровоточащую руку. Обсидиановый нож торчал из предплечья, сдерживая распространение гнили. Боль была невыносимой, но она была живой. Человеческой.

Она поняла две вещи. Первая: магия Жихаря сработала, нож действительно мог причинить вред скверне. Вторая: Омут не остановится. Если она останется в деревне, следующей ночью Хозяин Вод не будет стучаться. Он снесет дверь вместе со стеной, и тогда погибнет не только она, но и весь Черный Яр.

Дождаясь рассвета, Рада не сомкнула глаз. Она прислушивалась к завываниям ветра и шуму реки вдалеке. Когда первые, робкие лучи солнца пробились сквозь щели в ставнях, она поднялась. Лицо ее было бледным, как мел, но в глазах горела мрачная, непреклонная решимость.

Она вытащила нож из раны, наскоро перевязала ее чистой тряпкой и начала собираться. Ей не нужно было ничего, кроме теплой одежды, кремня и фляги с водой.

Путь был только один. Через лес. Туда, куда не ходил ни один человек. В Девью Топь. К Черному камню.

Глава 3

Утро занималось тяжело, словно небу было больно рожать новый рассвет. Сквозь щели в бревенчатых стенах избы пробивался серый, безрадостный свет. Черный Яр еще спал, оцепенелый от вчерашнего ужаса, укрытый густым, как овечья шерсть, туманом.

Рада скользнула за дверь бесшумно, как тень. На ней была плотная льняная рубаха, суконная понева и высокие кожаные поршни, туго перевязанные ремешками. На поясе висела холщовая сума с кремнем, щепоткой четверговой соли и черствым куском хлеба, который, она знала, вряд ли сможет проглотить. В правой руке она сжимала обсидиановый нож Жихаря. Левая рука, туго замотанная чистой тряпицей, пульсировала глухой, ноющей болью, но гниль, пустившая корни в ее венах, пока затаилась. Вулканическое стекло уладило скверну, но Рада чувствовала: это лишь отсрочка. Стоит ей ослабнуть — и черные нити снова поползут к сердцу.

Она обошла центральную площадь стороной. Ей не нужно было прощание. В глазах односельчан она уже стала призраком, живым мертвецом, чья отсроченная кончина лишь подвергала опасности их собственные жизни. Человеческая природа жестока в своем стремлении выжить. Рада не винила их. Если бы она увидела на руке другой девки метку Хозяина Вод, возможно, она бы тоже отвела взгляд.

Выйдя за скрипучие северные ворота, которые охранял спящий, пьяный от страха и медовухи дозорный, девушка углубилась в лес.

Путь к Девьей Топи лежал через Старый Бор — древний, нетронутый топором лесной массив, где сосны подпирали небеса, а корни деревьев, толстые, как тела исполинских змей, выпирали из-под мшистой земли. Здесь не было троп. Сюда не ходили по грибы и ягоды. Лесники говорили, что в Старом Бору пространство изгибается, а время течет густо, как древесная смола.

Чем дальше Рада уходила от Черного Яра, тем сильнее менялся лес. Воздух становился тяжелым, влажным. Исчезли запахи хвои и смолы, уступив место удушливому аромату прелых листьев, грибов и чего-то сладковато-тошнотворного, похожего на запах долго стоявшей в вазе воды. Деревья здесь были уродливыми, скрюченными, их ветви покрывали длинные, седые пряди лишайника, свисающие вниз, как волосы утопленниц.

Лес постепенно опускался в низину. Земля под ногами начала пружинить, чавкать. Появились первые лужи с черной, торфяной водой, в которой не отражалось небо.

Рада остановилась, тяжело дыша. Левая рука снова дала о себе знать: бинт намок от сочащейся черной сукровицы, а пальцы потеряли чувствительность, став ледяными. Но страшнее боли было то, что происходило в ее голове.

Тишина, до этого окружавшая ее, начала наполняться звуками.

Сначала это был лишь легкий шелест. Ветер, которого не было, вдруг коснулся верхушек деревьев. А затем впереди, там, где лес окончательно переходил в гиблое болото, Рада увидела их.

Заросли камыша.

Они стояли сплошной, непроницаемой стеной, высотой в два человеческих роста. Их жесткие, желто-зеленые стебли росли прямо из мутной, стоячей воды. Камыши тянулись на многие версты вправо и влево, образуя естественную, живую границу между лесом и самым сердцем Девьей Топи. И они шелестели.

Рада сглотнула вязкую слюну. В этом звуке не было ничего естественного. Стебли терлись друг о друга, создавая ритм. Это был зов. Древний, как сама Свирь, гипнотический шепот, заставляющий забыть о страхе и воле.

Ей нужно было пройти сквозь них. Это был единственный путь к Черному камню.

Девушка сделала шаг, и ее нога по щиколотку ушла в теплую, вязкую жижу. Вода здесь была не такой ледяной, как в Омуте. Она была парной, как свежая кровь, и пахла разложением.

Рада вошла в камыши. Стебли мгновенно сомкнулись за ее спиной, отрезая путь назад. Мир сузился до узкого коридора из зеленых сабель и мутной воды под ногами. Солнечный свет сюда не проникал, увязая в густых метелках растений. Вокруг стоял зеленоватый, душный сумрак.

Шу-у-у-ух — пронеслось над головой.

«Иди, — внезапно перевел ее уставший разум этот звук. — Иди к нам. Зачем ты сопротивляешься, дитя?»

Рада замерла. Голос звучал не снаружи, он рождался прямо в ее сознании, мягкий, обволакивающий, как бархат.

«Люди предали тебя, — продолжал шелест камышей. — Они смотрят на тебя, как на прокаженную. Завтра они придут с вилами. Они бросят тебя в огонь. Огонь — это боль. Огонь сжигает плоть до костей, оставляет лишь черный пепел. А вода Вода принимает всех. Вода — это вечный покой».

— Замолчи! — хрипло крикнула Рада, взмахнув обсидиановым ножом. Лезвие срезало несколько жестких стеблей, но на их месте тут же оказались другие.

Она двинулась вперед, продираясь сквозь заросли. Вода поднялась уже до колен. Ил засасывал ноги, каждое движение давалось с огромным трудом.

«Ты несешь в себе семя нашего Господина, — не унимался шепот. Теперь в нем появились женские, переливающиеся интонации. — Оно бьется в твоих венах. Оно ждет. Мы все ждали. Мы тоже когда-то боялись, Рада. Мы плакали на берегах, когда наши суженые выбирали других. Мы страдали от голода, от побоев отцов. Но потом мы шагнули в Омут. И боль ушла».

Камыши впереди внезапно расступились, образовав небольшую, идеально круглую заводь. Вода в ней была на удивление прозрачной, но дна все равно не было видно — там чернела бездна.

В центре заводи, по пояс в воде, стояла девушка.

Рада замерла, вскинув нож. Ее сердце забилося раненой птицей.

Это не была Милица. Перед ней стояла совершенно незнакомая дева. Ее кожа была ослепительно белой, почти прозрачной, сквозь нее просвечивала сетка тонких, голубоватых вен. Длинные, густые волосы цвета речной тины тяжелыми прядями спадали на обнаженные плечи и грудь. Вода стекала по ее идеальному телу, не оставляя капель, словно дева сама состояла из этой влаги.

Но самым страшным было лицо. Оно было безупречно красивым, выточенным из бледного мрамора, но глаза Глаза были огромными, темными, лишенными зрачков и белков. В них плескалась стоячая, мертвая вода.

Мавка. Неупокоенная речная дева.

Дева медленно повернула голову к Раде. На ее бледных губах заиграла нежная, почти материнская улыбка.

— Здравствуй, сестрица, — ее голос был подобен журчанию лесного ручья — кристально чистый и смертельно холодный. — Я Весняна. Давно в наши заводи не заходили гости с такой ношей.

Рада попятилась, но спина уперлась в жесткую стену камышей. Заросли позади нее сплелись в глухую преграду.

— Отойди, — процедила Рада, выставя перед собой черное лезвие. — Я не ищу встречи с вами. Мне нужно в Топь.

Весняна тихо, переливчато рассмеялась. От этого смеха по прозрачной воде заводи побежала легкая рябь.

— В Девью Топь? Зачем же живой деве идти к Черному камню? Там спит тот, кто древнее самой Нави. Он не знает ни любви, ни жалости. Он лишь питается пустотой. А наш Господин — Мавка молитвенно сложила изящные руки на груди. — Наш Господин дарует вечность. Он любит нас. Каждую из нас.

— Он чудовище, которое питается чужими жизнями, — огрызнулась Рада, чувствуя, как метка на левой руке начинает невыносимо печь, отзываясь на присутствие нечисти. — Он утащил Милицу! Он разорвал ее!

— Разорвал? — Весняна искренне удивилась, склонив голову набок. — О, глупая, глупая смертная. Вы, люди, так слепы в своем коротком веку. Он не разрывал ее. Он освободил ее плоть от тягот дыхания. Милица теперь поет в хороводе на дне Омута. Она прекрасна, как никогда при жизни. Ее жених-человек состарится, ослепнет, покроется морщинами и сгниет в земле, пожираемый червями. А Милица останется юной и прекрасной вечно. Разве это не истинная любовь — сохранить красоту, вырвав ее из лап времени?

Рада сжала рукоять ножа так, что побелели костяшки. Философия воды была ядовитой. Она проникала в мозг, подменяя понятия, заставляя сомневаться в самих основах жизни. Весняна говорила плавно, убедительно. В ее словах была извращенная, пугающая логика.

— Жизнь — это и есть изменение, — упрямо ответила Рада, делая шаг в сторону, пытаясь обойти заводь по краю. — Любовь — это тепло. А вы просто замерзшие куклы. Вы не любите. Вы только голодаете. Ваша вечность — это просто бесконечная пытка.

Лицо Весняны неумовимо изменилось. Иллюзия нежности треснула. Темные провалы ее глаз сузились.

— Тепло — это боль, ворона, — прошипела мавка. В ее голосе зазвучал булькающий, звериный рык. — Ты думаешь, ты самая умная? Ты думаешь, твои травки и каменный нож спасут тебя? Посмотри на свою руку! Посмотри!

Рада инстинктивно опустила взгляд. Тряпица, которой она перевязала метку, почернела и истлела прямо на глазах. Черные вены, взбугрившись под кожей, прорвали струпья. Из раны, оставленной обсидианом, медленно, словно живая смола, потекла темная скверна.

— Он уже внутри тебя, — Весняна сделала плавный, неумовимо быстрый шаг навстречу. Вода вокруг нее даже не всколыхнулась. — Он чувствует каждый стук твоего сердца. Он пьет твой страх. Каждое твое слово о жизни лишь сильнее распаляет его аппетит. Отдайся, Рада. Отдайся мне. Я отведу тебя к нему на дно. Я поцелую твои губы, и ты забудешь, как дышать. Это совсем не больно. Один вздох воды — и ты станешь свободной.

Камыши вокруг внезапно ожили. Они изогнулись, как змеи, и начали хлестать Раду по рукам, по лицу, пытаясь выбить оружие. Вода под ногами забурлила. Уровень воды стал стремительно подниматься, заливаясь в поршни, обжигая кожу мертвенным холодом. Дно исчезло. Рада провалилась по пояс, затем по грудь.

Мавка метнулась к ней с нечеловеческой скоростью. Ее идеальные руки превратились в когтистые, покрытые слизью лапы с перепонками между пальцами.

Весняна вцепилась Раде в плечи, увлекая под воду. Лицо мавки оказалось в дюйме от лица девушки. Из рта нечисти пахло вековой гнилью и тухлой рыбой.

Рада с головой ушла под воду.

Мутная, зеленая пелена ослепила ее. В уши ударил оглушительный гул. Руки мавки держали ее мертвой хваткой, таща на илистое дно. Легкие горели огнем, требуя воздуха, а инстинкт выживания заставлял открыть рот, чтобы сделать этот фатальный, последний вдох, о котором говорила нечисть.

«Только не так. Я не сдамся вам. Ни людям, ни воде», — мелькнула в угасающем сознании яростная, жгучая мысль.

Вместо того чтобы вырваться и бить мавку руками, Рада перестала сопротивляться. Весняна, не ожидавшая покорности, на долю секунды ослабила хватку, торжествующе улыбнувшись своими черными губами.

Этого мгновения Раде хватило.

Собрав все остатки сил, она перехватила обсидиановый нож и, изогнувшись под водой, вонзила черное лезвие прямо в бледную, идеальную грудь мавки, туда, где у живых бьется сердце.

Под водой раздался беззвучный, но чудовищный по силе вопль.

Вулканическое стекло, рожденное в недрах земли, встретилось с речной нежитью. Место удара вспыхнуло бледным светом. Из раны на груди Весняны хлынула не кровь, а черная, кипящая грязь. Вода вокруг них вскипела пузырями. Мавка судорожно разжала когти, извиваясь, как перерубленная пополам змея, отшатнулась во тьму заводи.

Рада мощным толчком ног оттолкнулась от илистого дна.

Она вынырнула, судорожно хватая ртом затхлый воздух камышовых зарослей. Вода вокруг нее кипела черной пеной. Камыши дико метались из стороны в сторону, словно в агонии. Иллюзия заводи рушилась. Уровень воды резко упал, вернувшись к коленям.

Девушка не стала оборачиваться. Задышавшись, покрытая грязью, слизью и собственной кровью, сжимающей в руке окровавленный обсидиановый нож, она рванула вперед, продираясь сквозь стену стеблей. Острые края листьев резали ее щеки и руки, оставляя кровавые полосы, но она не чувствовала боли.

Позади, из бурлящей воды, донесся протяжный, полный боли и ненависти вой:

— Ты не уйдешь от него! Вода найдет тебя везде! Он выпьет твою душу по капле!

Рада бежала, пока ее ноги вдруг не перестали вязнуть в иле. Очередной шаг оборвал хлоппанье воды. Нога ударилась о нечто твердое.

Она прорвала последнюю стену камышей и вывалилась на открытое пространство, упав на колени.

Девушка долго кашляла, выплевывая горькую болотную воду, стоя на четвереньках. Когда дыхание немного восстановилось, она подняла голову.

Она прошла.

Позади нее осталась буйная, влажная, опасная жизнь реки и ее прислужников. Перед ней расстился совершенно иной мир. Девья Топь.

Это не было болото в привычном понимании. Здесь не было зеленой ряски, квакающих лягушек или мошкары. Земля под ногами была черной, как смоль, сухой и покрытой глубокими трещинами, словно после многолетней засухи. Из этой мертвой почвы торчали стволы деревьев — но они не были гнилыми. Они были окаменевшими, белыми, как кости гигантских животных, отполированными неведомым ветром.

Над Топью висел абсолютно неподвижный, свинцово-серый туман. Здесь не было звуков. Не шелестели листья, не журчала вода. Это была тишина космического масштаба. Тишина абсолютной, вечной смерти, по сравнению с которой голодная нежить Омута казалась просто шумными, капризными детьми.

Именно здесь, в этой мертвой пустоте, метка на левой руке Рады внезапно перестала болеть. Черные вены втянулись под кожу, съежившись, словно речная скверна испугалась того места, куда ее принесли.

Рада с трудом поднялась на ноги.

Там, вдали, в самом центре этой окаменевшей пустоши, сквозь серый туман проступал силуэт. Огромный, неестественно правильной формы монолит, уходящий вершиной в небеса. От него исходила тяжелая, вибрирующая аура, давящая на плечи, заставляющая инстинкты кричать о немедленном бегстве.

Черный камень.

Рада убрала нож в ножны, вытерла лицо грязным рукавом и, не оглядываясь на шепчущие камыши, сделала первый шаг по мертвой земле навстречу древней силе.

Глава 4

Мир вокруг оцепенел. Переступив невидимую границу, отделяющую гниющие камышовые топи от мертвой пустоши, Рада словно оглохла. Здесь не было даже ветра. Воздух стоял неподвижный, сухой и тяжелый, с едва уловимым привкусом озона и раскаленной пыли, какой бывает за мгновение до того, как молния расколет грозовое небо.

Девья Топь обманывала своим названием. Никакой топи здесь не было — лишь бескрайнее поле потрескавшейся, черной, как уголь, земли. Трещины змеились под ногами, уходя в неизведанную глубину, и казалось, что земля когда-то давно лопнула от невыносимого жара. Из этой мертвой почвы торчали стволы древних деревьев. Лишенные коры и листьев, выбеленные временем, они напоминали скрюченные пальцы гигантских мертвецов, тщетно пытающихся дотянуться до равнодушного, свинцово-серого неба.

Рада шла медленно. Каждый шаг отдавался гулким эхом в ее собственной голове. Абсолютная тишина давила на барабанные перепонки с такой силой, что девушке порой хотелось закричать, лишь бы услышать собственный голос. Но она берегла дыхание.

Гниль в ее венах затаилась. Левая рука, туго перетянутая грязной тряпицей, больше не горела ледяным огнем и не тянула к реке. Черная скверна, впрыснутая Хозяином Вод, боялась этого места. Девья Топь была антиподом реки. Если вода была вечным движением, хаосом, пожирающим и рождающим жизнь, то это место было абсолютным покоем. Смертью в ее самой чистой, первозданной форме — без разложения и червей. Формой вечности, высеченной в камне.

«Жихарь был прав, — думала Рада, переступая через массивный окаменевший корень. — Вода сюда не дотянется. Здесь нет для нее пищи».

Философия этого места проникала в ее разум постепенно. Рада всегда чувствовала природу тоньше других. В Черном Яре она слышала шепот трав и дыхание леса, но здесь природа молчала. Это было место, забытое светлыми богами Яви. Возможно, именно сюда уходили умирать старые, темные боги, чьи имена стерлись из памяти людского рода задолго до прихода первых славянских племен на эти земли.

Впереди, возвышаясь над морем белых костяных деревьев, стоял Он.

Черный камень не был грудой скальной породы. По мере того как Рада приближалась, она понимала, что это монолит идеальной, почти пугающей формы. Он напоминал гигантское, граненое копьё, вонзенное с небес в самое сердце земли. Его поверхность, черная и блестящая, как крыло ворона, не отражала свет. Она его поглощала.

Чем ближе Рада подходила к монолиту, тем жарче становилось. Сухое тепло волнами исходило от камня, заставляя воздух вокруг него мелко дрожать, искажая пространство.

Остановившись в десятке шагов от алтаря древних, Рада опустилась на колени. Ее силы были на исходе. Ноги дрожали, легкие с хрипом втягивали сухой воздух, а горло пересохло так, что каждый глоток слюны отдавался болью. Она размотала тряпицу на левой руке.

Зрелище было пугающим. Рана от обсидианового ножа перестала кровоточить, но вокруг нее кожа стала серой, полупрозрачной. Черные вены замерли, как спящие под снегом змеи. Метка — отпечаток пальцев Милицы — стала тусклой, но никуда не исчезла.

«Нужно выжечь это. Пока оно спит», — решила Рада.

Она достала из сумы щепотку четверговой соли, смешанной с золой купальского костра, и крепко сжала в здоровой руке обсидиановый нож. Ей нужно было подойти к камню вплотную, прижать пораженную руку к его раскаленной поверхности и прочитать старинный заговор на отсечение Нави, которому ее учил Жихарь. Боль будет адской. Возможно, она лишится руки. Но лучше быть калекой в мире живых, чем безупречной куклой на дне Омута.

Рада с трудом поднялась и сделала шаг к монолиту.

Жар ударил в лицо. Камень гудел. Это был не звук, а низкая, утробная вибрация, отдающаяся в самых костях. Рада протянула левую руку, готовясь прикоснуться к черной глади...

— Я бы не стал этого делать, если бы хотел сохранить разум, дева.

Голос прозвучал настолько неожиданно, что Рада вздрогнула и резко обернулась, выставив перед собой нож. Сердце, до этого бившееся тяжело и медленно, сорвалось в бешеный галоп.

В абсолютной, мертвой пустоши Девьей Топи, куда не осмеливалась сунуться ни одна живая тварь, она была не одна.

Из-за широкого ствола окаменевшего ясеня, бесшумно ступая по потрескавшейся земле, вышел мужчина.

Рада попятилась, не опуская оружия. Ее глаза расширились. В нем не было ничего от уродливых созданий Нави или разлагающихся мавок. Перед ней стоял человек, но от его облика веяло такой нездешней, подавляющей силой, что у девушки перехватило дыхание.

Он был высок, на голову выше самого крупного мужика в Черном Яре, и удивительно пропорционально сложен. Одет он был не в звериные шкуры и не в грубый лен. На нем была рубаха из тончайшего, струящегося шелка глубокого, темно-изумрудного цвета, перехваченная широким кожаным поясом с серебряными бляхами, изображавшими сплетенных змей. На плечи был небрежно наброшен плащ, черный, как вода в безлунную ночь.

Но поражала его внешность. Волосы, прямые и черные, как смоль, спадали на широкие плечи. Лицо его было высечено из бледного мрамора — острые скулы, прямой, благородный нос и губы, тронутые легкой, снисходительной усмешкой. Он был пугающе красив. Той хищной, совершенной красотой, от которой невозможно отвести взгляд, даже понимая, что перед тобой смертельная угроза.

Но его глаза...

Рада встретила с ним взглядом и почувствовала, как земля уходит из-под ног. Радужка его глаз была не человеческой. Она переливалась густым, светящимся изумрудным светом, таящим в себе бесконечную, давящую глубину. Те самые глаза, что смотрели на нее со дна Омута. Те самые глаза, что заглядывали к ней сквозь щель в двери минувшей ночью.

— Ты... — выдохнула Рада. Горло сдавило спазмом. — Хозяин Вод.

Мужчина остановился в пяти шагах от нее. Он не выглядел рассерженным или голодным. Он смотрел на нее с глубоким, почти исследовательским интересом.

— Имена придумывают люди, чтобы не так сильно бояться того, чего они не понимают, — его голос был мягким, глубоким баритоном, лишенным булькающих хрипов. В нем слышался рокот прибоя на далеких берегах и шелест глубоководных течений. — Для ваших прадедов я был Богом. Для ваших дедов — Духом. Для вас я стал Хозяином, а для Жихаря — демоном. Но я — это просто я. Суть вещей.

— Что ты здесь делаешь? — Рада крепче сжала рукоять обсидианового ножа, хотя руки предательски тряслись. — Тебе здесь не место. Вода здесь мертва.

Незнакомец медленно, грациозно повел плечами.

— Верно. Здесь душно, — он слегка поморщился, бросив быстрый взгляд на Черный камень. — Этот кусок небесного железа ненавидит жизнь. Он вытягивает влагу из всего, к чему прикасается. Мне тяжело находиться в этом мертвом теле, Рада. Принимать человеческий облик — это такая скука и такая боль. Кости трутся друг о друга, кровь пульсирует слишком быстро, воздух обжигает легкие... Вы, смертные, носите свои тела, как тесные, грубые доспехи.

— Зачем тогда ты пришел? — она сделала шаг назад, ближе к спасительному жару камня. Метка на ее руке внезапно заныла — не от холода, а от странной, тянущей тоски.

— За тобой, разумеется, — он улыбнулся. Улыбка преобразила его лицо, сделав его невероятно притягательным. В ней сквозила печаль. — Ты удивила меня, маленькая волхвита. Моя Весняна не смогла сломить тебя. Мои чары у дверей твоей избы не свели тебя с ума. Ты

выбрала проткнуть собственную плоть, лишь бы не подчиниться зову. В тебе столько огня... Это редкость.

— Я не стану твоей мавкой.

— Мавкой? — мужчина тихо рассмеялся. Звук был бархатным, успокаивающим. — О, нет. Ты слишком хороша для того, чтобы быть просто частью безликого хоровода в камышах. Ты особенная.

Он сделал плавный шаг вперед. Рада инстинктивно вскинула нож.

— Не подходи! Это обсидиан. Он жжет твою скверну!

— Я знаю, что это, — спокойно ответил он, останавливаясь. — Но скажи мне, Рада, от чего ты бежишь? К чему ты так отчаянно стремишься прикоснуться?

Он изящным жестом указал на Черный монолит позади нее.

— Ты думаешь, Жихарь послал тебя за исцелением? Старик ослеп от своего страха. Этот камень не лечит. Он пожирает. Он выжжет из твоих вен мою метку, да... Но вместе с ней он выжжет твою способность чувствовать. Ты перестанешь радоваться рассветам. Ты перестанешь плакать от боли. Твое сердце превратится в такой же сухой, мертвый уголь. Ты вернешься в свой Черный Яр живой, но внутри ты будешь мертвее тех деревьев, что стоят вокруг нас.

Рада замерла. Слова чужака проникали под кожу, сея зерна сомнений. Она помнила пустоту этого места. Она чувствовала абсолютное равнодушие исходящее от камня.

— Ты лжешь, — неуверенно произнесла она. — Вода лжива. Жихарь предупреждал меня. Ты скажешь все что угодно, лишь бы утащить меня на дно.

Мужчина тяжело вздохнул, его изумрудные глаза наполнились вековой усталостью.

— Зачем мне лгать тебе здесь, где я уязвим? Рада, посмотри правде в глаза. Твое племя предало тебя. Как только они увидели метку, они отвернулись. Охотник, чью невесту ты пыталась спасти, посмотрел на тебя с омерзением. Мужики готовы были насадить тебя на вилы. Ты для них — изгоняемая жертва. Ради чего ты хочешь сжечь свою душу о Черный камень? Чтобы вернуться к тем, кто тебя ненавидит?

Он говорил мягко, словно лекарь, вскрывающий гнойник. Каждое слово было точно в цель. Рада вспомнила брезгливый взгляд Белояра, крестящуюся бабушку Малушу у колодца. Ей стало невыносимо горько.

— Я делаю это не для них, — прошептала она, упрямо вздернув подбородок. — Я делаю это для себя. Я хочу жить своей жизнью.

— Своей жизнью? — он сделал еще один шаг. Теперь их разделяло не больше трех метров. Рада почувствовала, как от него веет свежестью весеннего ливня и запахом цветущих белых кувшинок. Это было наваждение, но оно было прекрасным. — В чем твоя жизнь, Рада? Ткать лен при лучине? Выйти замуж за грубого пахаря, который будет бить тебя по пьяни? Родить семерых детей, похоронить половину из них и состариться к тридцати зимам, сгорбившись над печью? Это то, за что ты цепляешься?

— Жизнь — это право выбора.

— Я тоже предлагаю тебе выбор, — голос Хозяина Вод понизился до интимного шепота. В его изумрудных глазах начали закручиваться водовороты. — Ты думаешь, я жестокий монстр, требующий крови. Но я просто природа. Я забираю тех, кто сам хочет уйти. Милица хотела вечной любви, я дал ей ее. Ее страсть отравила бы ее в мире людей, а в моей воде она нашла совершенство.

— Она стала чудовищем! Она пыталась утопить меня!

— Она пыталась поделиться с тобой блаженством, — мягко поправил он. — Но тебе не место среди мавок. В тебе нет глупой девичьей покорности. В тебе есть сила. Мудрость. Ты слышишь лес, ты видишь незримое. Я почувствовал это, когда ты коснулась моей воды.

Он вдруг протянул к ней руку. Длинные, бледные пальцы с идеальными ногтями.

— Не прикасайся к этому мертвому камню, Рада. Он заберет твою боль, но он заберет и тебя саму. Пойди со мной.

— Куда? На дно Омута? Задохнуться в тине? — горько усмехнулась Рада.

— В мой дворец под Свирью. Там, где нет времени. Там, где нет человеческой злобы и предательства. Ты не будешь моей пленницей или игрушкой. Ты станешь моей Королевой.

Слова прозвучали как удар грома в ясной тишине. Рада отшатнулась, едва не споткнувшись о растрескавшуюся землю.

— Что?..

— Я спал пятьдесят лет, — он смотрел на нее, и его взгляд был гипнотическим, парализующим волю. Обсидиановый нож в руке Рады внезапно стал невыносимо тяжелым. — Я устал от одиночества. Мавки — это просто отголоски чужой боли, пустые раковины. Мне нужна равная. Та, чья душа так же глубока, как мои омуты. Та, что сможет смотреть мне в глаза и не сходить с ума от страха. Когда я оставил на тебе метку, это было не проклятие, Рада.

Он указал на ее левую руку.

— Это было обручение.

Рада посмотрела на свою руку. Черные вены, еще недавно казавшиеся ей уродливой гнилью, вдруг приобрели в ее глазах изящество сложного, темного узора. Морок сплетался вокруг нее, густой, сладкий и пьянящий. Воздух потерял свою сухость, наполнившись ароматом вечерней реки, влажных трав и чего-то невероятно влекущего.

«Он путает мысли, — слабо забила на задворках сознания здравая мысль. — Жихарь говорил: не верь ушам. Вода льет сладкие речи, чтобы утопить».

Но его голос... Его глаза...

Она всю жизнь была одинока. Люди Черного Яра чурались ее дара, ее задумчивости. А это древнее, могущественное существо ради нее покинуло свою стихию, облекло себя в болезненную плоть человека и пришло в место, которое причиняло ему мучения, только чтобы остановить ее. Разве это не было проявлением чего-то большего, чем просто голод?

Он подошел еще ближе. Теперь он стоял так близко, что Рада видела мелкие, влажные блестки на его длинных ресницах. От него не веяло могильным холодом, как от Весняны. От него исходила странная, притягательная прохлада, которая манила к себе уставшее, горящее тело.

— Опусть нож, Рада, — прошептал он, и его голос зазвучал прямо в ее крови. — Позволь мне показать тебе, как прекрасна может быть тьма. Позволь мне забрать твою боль. Никто в том жалком городище никогда не полюбит тебя так, как может любить древний бог.

Левая рука Рады, словно живущая своей собственной жизнью, медленно опустилась. Деревянная сума с солью выскользнула из пальцев и глухо ударилась о черную землю.

Хозяин Вод медленно поднял руку. Его бледные пальцы, холодные и нежные, осторожно коснулись ее щеки. От этого прикосновения по телу Рады пробежала дрожь, но это был не страх. Это было пронзительное, почти болезненное удовольствие, смешанное с абсолютной покорностью. Разум заволочло густым, серебристым туманом. Черный монолит позади нее исчез из ее сознания. Остались только эти бездонные, светящиеся изумрудные глаза.

— Моя храбрая, непокорная ворона... — его шепот коснулся ее губ, обжигая ледяным дыханием. — Один шаг. Одно согласие. И мы уйдем туда, где нас никто не найдет.

Он наклонился к ней. Рада почувствовала, как тяжелая, влажная магия реки обволакивает ее, лишая способности сопротивляться. Глаза сами собой начали закрываться, а губы открылись навстречу этому губельному, древнему соблазну.

Глава 5

Морок был совершенным. Он не обрушивался тяжело, как удар дубины, он втекал в сознание тягучими, медовыми каплями, растворяя волю, стирая границы между страхом и желанием.

Девья Топь с ее выжженной, растрескавшейся землей и белыми костяками деревьев начала таять, затягиваясь призрачной, переливающейся дымкой. Исчез удушливый, сухой жар Черного камня, возвышавшегося за спиной Рады. Взамен пришла упоительная, бархатная прохлада летних сумерек. Воздух наполнился запахом цветущей таволги, горькой ивы и той особенной, кристальной свежести, которая бывает у реки только в самые короткие ночи года.

Хозяин Вод стоял так близко, что Рада чувствовала исходившую от него древнюю, нечеловеческую мощь. Но эта мощь больше не пугала. Она обволакивала. Его глаза, два бездонных изумрудных омута, мерцали в полумраке, обещая то, чего Рада никогда не знала в мире людей: абсолютное понимание, защиту и покой.

Его бледные, холодные пальцы мягко скользнули от ее щеки к затылку, зарываясь в густые, темные волосы. От этого прикосновения по позвоночнику Рады пробежала дрожь, но тело предательски обмякло. Тяжелый обсидиановый нож, единственное оружие, способное ранить нежить, все еще был зажат в ее правой руке, но рука висела вдоль туловища, словно налитая свинцом. Разум шептал, что нужно ударить, что нужно бежать к камню, но этот шепот тонул в густом, пьянящем гуле речной магии.

— Тебе так долго было холодно среди людей, моя ворона, — его голос звучал не снаружи, а внутри ее головы, вибрируя в такт биению ее сердца. — Они смотрели на тебя и видели лишь странную девку. Они боялись твоего дара, потому что сами слепы. А я вижу твою суть. Я ждал тебя. Века сменялись веками, русла рек пересыхали и рождались вновь, а я ждал ту, что не испугается тьмы.

Он наклонился ближе. Его лицо, высеченное из идеального, ожившего мрамора, оказалось в дюйме от ее лица. Рада завороченно смотрела на его губы. Ее собственное дыхание сбилось, стало прерывистым, поверхностным.

Где-то на самом дне ее души билась паника. Она помнила искривленное лицо Милицы, уходящей на дно. Помнила мертвые глаза мавки Весняны. Но сейчас, под гипнотическим взглядом древнего бога, эти воспоминания казались чужими, ненастоящими. Разве может существо, способное на такую безграничную, всепоглощающую нежность, быть чудовищем?

«Позволь ему забрать боль, — прошептал чужой, вкрадчивый голос в ее сознании. — Сдайся. Быть сильной так тяжело. Быть одной невыносимо».

И Рада, закрыв глаза, сама потянулась к нему, приоткрыв губы навстречу своей гибели.

Их губы соприкоснулись.

В первое мгновение поцелуй показался ей невероятно, невыносимо сладким. Это было прикосновение чистого, тающего льда к пылающей в лихорадке коже. Мир вокруг взорвался калейдоскопом ощущений. Рада перестала чувствовать тяжесть собственного тела. Ей показалось, что она парит в невесомости, качаясь на ласковых, теплых волнах. Все ее тревоги, страх перед завтрашним днем, горечь от предательства односельчан — всё это смыло единым, могучим потоком.

Его губы были настойчивыми, но нежными. Он целовал ее так, словно пил из пересохшего родника, медленно, наслаждаясь каждым мгновением. Рада ответила на поцелуй, издав тихий, почти жалобный стон, и подалась вперед, прижимаясь к его груди. Под тонким изумрудным шелком его рубахи не билось сердце, там перекачивалась холодная, упругая сила, подобная течению глубинной реки.

Но блаженство длилось лишь миг.

Сладкий морок был лишь оболочкой, тонким слоем сахара, скрывающим смертельный яд.

Вместе с поцелуем Хозяин Вод начал вливать в нее свою сущность. Рада почувствовала, как по ее горлу скользнула ледяная, густая влага, имеющая вкус ила, ржавчины и старой крови. Этот холод мгновенно распространился по венам, замораживая внутренности.

Метка на левой руке — отпечаток мертвых пальцев — внезапно вспыхнула адской болью, словно в нее вонзили тысячи раскаленных игл. Черные вены, спавшие под кожей, ожили. Они с удвоенной силой рванулись вверх по руке, проникая в плечо, устремляясь прямо к сердцу.

Перед мысленным взором Рады разорвалась тьма, и она увидела то, что он скрывал за своей идеальной человеческой маской.

Она увидела Омут изнутри. Не тихую, прекрасную подводную обитель, а братскую могилу веков. Бесконечная, давящая толща черной воды, в которой медленно, в гротескном, хороводе кружили сотни, тысячи бледных тел. Мавки, утопленники, дети, старики — все те, кого Свирь забрала за тысячелетия. У них не было лиц, лишь пустые, выеденные рыбами глазницы и раздутые губы, беззвучно кричащие о вечной муке. И все они были соединены невидимыми нитями с Ним. С Хозяином.

Рада осознала с леденящим ужасом: он не предлагал ей стать Королевой. У воды не бывает королев, у нее есть только пища. Его любовь была формой абсолютного поглощения. Он хотел растворить ее непокорную душу в себе, выпить ее огонь, чтобы хоть на мгновение согреть свою вечную, ледяную пустоту.

Поцелуй стал удушающим. Он вытягивал из нее дыхание, воспоминания, саму жажду жизни. Рада попыталась отстраниться, но его руки, еще секунду назад нежные, превратились в стальные тиски. Пальцы на ее затылке сжались, впиваясь в кожу с такой силой, что, казалось, вот-вот проломают череп.

Вкус яда усилился. Ее легкие горели, рефлекторно сжимаясь, как у утопающего. Разум начал гаснуть, погружаясь в черную, липкую бездну.

«Вот и все, — мелькнула слабая, затухающая мысль. — Жихарь был прав. Я сама шагнула к нему в пасть».

Но в этот миг, когда тьма почти сомкнулась над ее сознанием, сквозь морок пробилось нечто чужеродное.

Тепло.

Оно шло не от нее и не от реки. Оно исходило от ее спины. В своем упоении, забирая ее душу, Хозяин Вод не заметил, как, отступая перед поцелуем, Рада сделала еще полшага назад. И теперь ее спина почти соприкасалась с Черным монолитом.

Излучаемый древним камнем сухой, мертвый жар ударил по ауре речного бога. Монолит не терпел чужой магии. Для камня, упавшего с небес в эпоху юности мира, эта водяная скверна была сродни назойливому насекомому.

Камень гулко, утробно завибрировал. Рада почувствовала, как этот низкий звук прошел сквозь ее позвоночник, встряхивая засыпающий разум.

Вместе с вибрацией пришло озарение. Ясное, кристальное понимание сути вещей. Философия Хозяина Вод была ложью. Он говорил, что избавляет от боли, даруя вечность. Но жизнь — это и есть боль! Боль потери, боль роста, боль обмороженных пальцев зимой и боль стертых в кровь ног на летней жатве. Пока человек чувствует боль — он существует. Он дышит, он борется, он любит по-настоящему, а не мертвой, статичной любовью подводных кукол. Отказаться от боли значило отказаться от себя.

Гнев, яростный, обжигающий вспыхнул в груди Рады. Гнев на этого древнего паразита, возмнившего себя богом, гнев на глупых людей, гнев на саму себя за то, что поддалась на красивую сказку.

Она резко распахнула глаза.

Иллюзия совершенного лица дрогнула. В полуметре от себя Рада увидела, как мраморная кожа Хозяина Вод покрывается слизью и рябью, как человеческие черты искажаются, обнажая истинное, чудовищное рыло речного демона — широкую, лишенную губ пасть, усеянную рядами загнутых внутрь, прозрачных рыбьих зубов, и жабры, судорожно пульсирующие на шее в сухом воздухе Топи. Его изумрудные глаза пылали не любовью, а первобытным, ненасытным голодом.

Рада не могла разорвать поцелуй — он держал ее намертво. Тогда она собрала все оставшиеся силы, всю свою человеческую волю, сжатую в тугой, раскаленный комок, и вскинула правую руку.

Обсидиановый нож, рожденный в земном огне, блеснул черной молнией.

Она не стала бить его в спину или в грудь — он был бессмертен, лезвие лишь разозлило бы его. Рада вонзила нож с размаху прямо в его бледную, покрывающуюся чешуей руку, ту самую, что стальной хваткой сжимала ее плечо.

Вулканическое стекло с хрустом вошло в нечеловеческую плоть.

Раздался звук, от которого, казалось, раскололось само небо над Девьей Топью. Это был не крик, а вой миллионов тонн воды, срывающейся в пропасть водопада.

Поцелуй разорвался. Хозяин Вод отшатнулся, выдергивая из себя нож вместе с куском плоти. Из страшной раны хлынула не кровь, а черная, кипящая болотная жижа, которая с шипением падала на мертвую землю, мгновенно испаряясь и оставляя после себя вонючий пепел.

Морок окончательно рухнул. Иллюзорные запахи цветов и сумеречная прохлада исчезли, сменившись резким запахом озона, паленой тины и мертвенным серым светом пустоши.

Демон стоял в нескольких шагах от нее, прижимая раненую руку к груди. Его человеческий облик распадался на глазах. Дорогие шелка превращались в гнилые водоросли, ноги сливались в массивный, пульсирующий ком ила.

— Тварь смертная! — прорычал он. Его голос булькал, захлебываясь ненавистью и болью. — Ты отвергла мой дар! Ты посмела поднять на меня камень земли!

Рада, тяжело дыша, опиралась здоровой рукой на Черный монолит позади себя. Губы ее были разбиты в кровь, по подбородку текла тонкая струйка черной скверны, которой он успел ее отравить. Но она улыбалась. Страшной, безумной улыбкой существа, которое заглянуло за грань и вернулось обратно.

— Я не твоя еда, ублюдок, — выплюнула она, стирая грязь с лица.

Но битва была еще не окончена. Гниль, которую он влил в нее через поцелуй, соединилась с меткой на руке. Черные вены под кожей Рады запульсировали с такой силой, что кожа начала трескаться. Демон потянулся к ней здоровой рукой, его пальцы неестественно удлинлись, превращаясь в костяные гарпуны.

— Я все равно заберу тебя! Эта метка — моя! Ты прогниешь изнутри, ты приползешь ко мне на коленях, умоляя об одном глотке воды! — взревел Хозяин Вод, делая рывок вперед.

Он не мог подойти близко к камню, но его магии было достаточно, чтобы вырвать ее из защитной зоны. Невидимая удавка захлестнула горло Рады, дернув ее на себя.

Девушка упала на колени. Ее потащило по растрескавшейся земле к монстру.

— Нет... — прохрипела она.

Она знала, что должен был сделать Жихарь. Она знала, за чем пришла сюда. Выбор был страшен, но это был ее выбор.

Упервшись ногами в землю, сопротивляясь магической тяге, Рада извернулась, протянула левую, пораженную черными венами руку назад и, с диким криком, изо всех сил прижала ее ладонью и предплечьем к раскаленной, черной поверхности алтарного камня.

То, что последовало за этим, не было просто болью. Это было стирание самого понятия физического страдания.

Черный монолит, спавший тысячелетиями, внезапно ожил, почувствовав соприкосновение с влажной, чужеродной магией. Камень вспыхнул, но не огнем, а тусклым, поглощающим светом.

Кожа на руке Рады мгновенно зашипела. Запахло паленым мясом, паленым волосом и кипящей гнилью. Боль ударила в мозг с такой силой, что перед глазами взорвались белые круги. Рада закричала. Это был нечеловеческий, сорванный вопль животного, попавшего в капкан.

Но она не отняла руку. Она давила на камень всем весом, прижимая метку к жару, чувствуя, как древняя, мертвая сила монолита врывается в ее вены, выжигая скверну Хозяина Вод.

Черные нити под кожей метались, словно живые черви, заживо сгорающие на сковородке. Они пытались уйти глубже, в мышцы, в кости, но жар камня доставал их везде.

Связь между меткой и ее создателем была обоюдной.

Хозяин Вод, находившийся в нескольких шагах, вдруг замер. Его тело выгнулось дугой. Очищающий огонь Черного камня, пожирающий метку на руке девушки, по невидимому каналу ударил прямо в сущность речного демона.

— А-а-а-а! — его рев перекрыл крик Рады.

Демон схватился за свою грудь. Сквозь его пальцы, сквозь гниющую плоть и чешую пробивались лучи мертвого, серого света Топи. Он горел изнутри. Вода, составлявшая его суть, закипала, превращаясь в вонючий пар, клубящийся над пустошью.

— Отпусти! — прохрипел демон, пятясь назад, пытаясь разорвать магическую связь. — Отпусти, безумная! Ты убьешь себя!

Рада не слышала его. Мир сузился до куска горящего мяса, которым стала ее рука. Ее зубы скрипели так, что готовы были раскрошиться. Слезы катились по грязным щекам, мгновенно испаряясь от жара, исходящего от камня.

«Сгори, — пульсировала в ее голове единственная, первобытная мысль. — Сгори вместе со мной, но я тебе не достанусь».

Она надавила еще сильнее.

С громким треском, похожим на звук лопнувшего льда на весенней реке, невидимая нить наваждения лопнула.

Метка Хозяина Вод — отпечаток пальцев Милицы — с шипением испарилась, оставив после себя лишь глубокий, белый, дымящийся ожог, выжженный до самых мышц. Гниль, отравлявшая кровь, была уничтожена.

В ту же секунду Хозяин Вод, оторванный от своей жертвы, рухнул на колени. Его форма окончательно потеряла человеческие очертания. Теперь это была просто бесформенная, кипящая груда ила, водорослей и бледных костей, из которой на Раду смотрели два потускневших, полных концентрированной ненависти изумрудных глаза.

Он не мог больше находиться в Девьей Топи. Связь была разорвана, и сухой воздух начал стремительно иссушать его.

— Ты выиграла день, смертная... — прошелестел его распадающийся голос, сливаясь с шумом несуществующего ветра. — Но река... река длинная. Ты не сможешь... вечно прятаться в мертвых землях. Я высушу твои колодцы. Я отравлю твои дожди. Мы еще встретимся...

Груда ила с влажным хлопаньем втянулась в землю, оставляя после себя лишь глубокую трещину и лужу вонючей, быстро высыхающей черной жижи.

Хозяин Вод бежал.

Рада медленно, словно во сне, отняла руку от алтаря.

Ее левое предплечье представляло собой жуткое зрелище. Кожа и мясо были сожжены почти до кости, превратившись в сплошную, белесо-красную корку. Но черных вен больше не было. Чувство ледящего холода ушло. На смену ему пришла чистая, пульсирующая, человеческая боль. Боль живой плоти.

Она сделала неверный шаг прочь от камня. Ноги подкосились, и Рада рухнула на твердую, потрескавшуюся землю пустоши.

Тишина Девьей Топи снова накрыла ее, тяжелая, равнодушная, глухая. Камень возвышался над ней, величественный и непоколебимый, не требующий поклонения, не предлагающий ни любви, ни спасения. Он просто был. Законы мироздания, высеченные в монолите.

Рада лежала на спине, глядя в безликое, серое небо. Дыхание давалось с трудом. Поцелуй демона едва не выпил ее душу, а Черный камень едва не сжег ее тело. Она находилась на границе между жизнью и смертью, на самом краю обрыва.

Здоровая правая рука нащупала суму, которую она выронила ранее. Дрожащими пальцами она достала оттуда кусок чистой холстины и, стиснув зубы до кровавого привкуса, туго перетянула обожженную руку, чтобы остановить сукровицу и защитить рану от пепла.

Каждое движение было пыткой. Но эта пытка доказывала, что она жива.

Ей нельзя было оставаться здесь. Черный камень исцелил ее от магической скверны, но его аура продолжала вытягивать из нее жизненные силы. Если она уснет у подножия монолита, она уже никогда не проснется, превратившись в одну из тех белых, иссушенных коряг, что торчали из земли вокруг.

Рада с огромным трудом перевернулась на живот, затем встала на четвереньки. Опираясь на правую руку, она поднялась на ноги. Мир перед глазами кружился.

Возвращаться в Черный Яр было безумием. Она была слаба, ранена, а люди не поверят, что она очистилась. Для них она навсегда останется проклятой, невестой чудовища. И демон... Он сказал правду. Он будет ждать ее. Если не в Омуте, то в ручьях, в колодцах, в утренней росе.

Ей нужен был кто-то, кто знает древние законы лучше Жихаря. Кто-то, кто не боится ни живых, ни мертвых.

В памяти всплыли обрывки старых легенд, которые шепотом рассказывали бабки на посиделках. Легенды о той, что ушла из племени много лет назад. О старой волхвितке, живущей за пределами Девьей Топи, в Змеином Яру, где земля пересекается с миром Нави. Говорили, что она могла заговаривать смерть и плести нити судеб, но цена ее помощи была страшнее самой беды.

«У меня больше нет дома, — подумала Рада, пошатнувшись. — И терять мне больше нечего».

Она бросила последний взгляд на Черный монолит, спасший ее ценой невыносимых мук, повернулась спиной к стороне, где лежал Черный Яр и Омут, и, прижимая обожженную руку к груди, медленно побрела вглубь серых, мертвых пустошей, туда, где небо над горизонтом казалось еще темнее.

Глава 6

Она не знала, сколько времени провела в пути. В Девьей Топи не было ни восходов, ни закатов, лишь вечно висящая над головой свинцовая хмарь, сквозь которую не пробивался даже призрачный лунный свет. Время здесь измерялось не часами, а расстоянием от одного высохшего, похожего на кость дерева до другого. И болью.

Боль стала ее единственным спутником, компасом и палачом. Левая рука, обожженная на Черном алтаре до багрового мяса и обнажившихся сухожилий, превратилась в пульсирующий сгусток боли. Грубая холстина, которой Рада перетянула рану, давно пропиталась сукровицей и присохла намертво. Каждое движение отдавалось в плече и шее вспышками такой яростной рези, что девушка временами теряла сознание прямо на ходу, падая на растрескавшуюся землю, разбивая колени.

Затем она приходила в себя, сплевывала густую, горькую слюну смешанную с землей, опиралась на здоровую руку и снова вставала. Ей двигало упрямство, граничащее с безумием. Она вырвала свою душу из пасти речного бога, она не имела права сдохнуть здесь, превратившись в еще одну безымянную корягу посреди пустоши.

Жажда сжигала ее изнутри. Губы потрескались и покрылись коркой, язык распух, превратившись в сухой деревянный кляп. Хозяин Вод знал, что делал, когда обещал ей муки. Тело, состоящее из воды, отчаянно требовало влаги, но вокруг была лишь мертвая, прокаленная неведомым жаром порода. Мозг начал играть с ней в жестокие игры. Вдали, в колеблющемся мареве сухого воздуха, ей мерещились прозрачные ручьи, заводы, полные кувшинок, и знакомые изумрудные глаза, с насмешкой смотрящие на ее страдания.

— Не дождешься, ублюдок, — сипела Рада пересохшим горлом, отводя взгляд от миражей и упрямо шагая вперед.

Постепенно характер пустоши начал меняться. Трещины в земле становились все шире и глубже, превращаясь в настоящие провалы. Воздух утратил свою стерильную сухость. Потянуло гнильцой, но это был не запах речной тины. Пахло серой, прелыми грибами и змеиным ядом.

Земля пошла под уклон. Рада подошла к краю гигантского разлома в земной коре. Это и был Змеиный Яр.

Огромная, зияющая рана на теле земли уходила вниз, утопая в густом, желтоватом тумане. Склоны Яра были покрыты уродливой, извращенной растительностью: гигантскими папоротниками с черными, как смоль, листьями, искривленными деревьями, чьи корни оплели камни, словно щупальца, и густыми зарослями ядовитого борщевика, достигающего высоты конного воина.

Спуск казался невозможным для израненного человека, но выбора не было. Рада начала осторожно спускаться, цепляясь здоровой правой рукой за корни и выступы. Камни осыпались под ее ногами, летя во мглу.

Здесь, в Яру, жизнь существовала, но она была враждебной, хтонической. В кустах постоянно что-то шуршало, шипело, щелкало. Рада краем глаза замечала скользкие в тумане длинные, чешуйчатые тела. Змеи здесь были повсюду. Они свисали с веток, как живые лианы, ползали по камням, сплетались в клубки в ямках. Но странное дело — ни одна из них не попыталась напасть. Они лишь провожали девушку холодными, немигающими взглядами, словно чувствуя исходящий от нее запах сожженной нежити и пепел Черного камня.

Когда Рада достигла дна Яра, ее силы иссякли окончательно. Воздух здесь был густым, влажным и горячим, как в парной бане, но дышать им было тяжело из-за едкого запаха серы.

Сквозь желтоватый туман она увидела жилище.

Это не была избушка. Жилище старой волхвитки было выстроено прямо в грудной клетке гигантского, ископаемого зверя. Огромные, белые ребра, поросшие черным мхом, образовывали свод, на который были наброшены сшитые вместе шкуры неизвестных животных. Вместо двери висел тяжелый полог из сплетенных змеиных выползков и птичьих черепов.

Рада сделала еще несколько шагов. Ее ноги подкосились. Она рухнула на влажную, теплую землю лицом вниз, прямо перед костяным порогом.

Последнее, что она услышала перед тем, как тьма милосердно поглотила ее разум, был скрипучий, каркающий голос, раздавшийся откуда-то сверху:

— Гляди-ка. Не слыхла по дороге. Упорная.

Ее возвращение в мир Яви началось с запаха. Резкого, пробивающего до самого затылка запаха жженой камфоры, полыни и топленого медвежьего жира.

Рада попыталась открыть глаза, но веки казались свинцовыми. Тело лежало на чем-то жестком, укрытое колючей шкурой. Жар лихорадки отступил, уступив место тупой, ноющей слабости.

Она попыталась пошевелить левой рукой и тут же замерла. Боли не было. Вместо обжигающей агонии, которая сводила ее с ума последние дни, она чувствовала лишь странное, тяжелое онемение, словно рука была погружена в ледяную грязь.

Она с трудом разлепила веки.

Внутри костяного шатра царил полумрак, разгоняемый лишь тлеющими в каменном очаге углями. На стенах-ребрах висели пучки сушеных трав, связки костей, засушенные жабы и летучие мыши. В углу, в большой деревянной ступе, лежало что-то подозрительно напоминающее человеческий череп, перетертый в порошок. В жилище Жихаря пахло лесом и защитой. Здесь пахло древней, голодной тьмой.

Возле очага на низком чурбаке сидела женщина. Или то, что от нее осталось.

Старая волхвитка выглядела так, словно сама земля выплюнула ее за ненадобностью. Она была сторбленной, иссушенной, с кожей цвета старого пергамента, плотно обтягивающей угловатый череп. Редкие седые волосы свисали грязными паклями. Один глаз ее был затянут плотным, бельмастым облаком, а второй — абсолютно черный, без зрачка и радужки — буравил Раду насквозь. Острый, крючковатый нос почти касался тонких, бескровных губ. Очевидно, ей было далеко за сотню лет.

— Очнулась, ворона, — проскрипела старуха, не переставая помешивать длинной деревянной ложкой какое-то темное варево в чугушке над углями. — Лежи тихо. Дернешься — кровь пойдет, а мне тут твоя красная водица на полу не нужна.

Рада сплотнула. Во рту было сухо, но терпимо.

— Кто ты? — голос девушки прозвучал как шелест сухой листвы.

— Имена — это для тех, кто платит подати князю, — усмехнулась старуха, обнажив редкие, черные пеньки зубов. — Можешь звать меня Мареной. Людишки из Яра так меня кликали, пока сами не забыли дорогу сюда.

— Ты спасла меня?

Марена громко, каркаяще рассмеялась. — Спасла? Ой, девка, не смеси мои старые кости. Спасают щенков из проруби. Я тебя просто не дала сожрать местным гадам, пока ты валялась у моего порога. Мне было любопытно. Не каждый день ко мне приползает кусок мяса, отмеченный лапой Хозяина Вод, да еще и прижатый на Черном камне.

При упоминании алтаря Рада резко скосила глаза на свою левую руку и ахнула.

Рука была обнажена от плеча до запястья. Но она больше не была человеческой. Старая волхвитка срезала сожженную плоть и спекшуюся ткань. Теперь от локтя и выше мышцы и сухожилия были покрыты толстым, блестящим слоем странной черной субстанции, напоминающей застывшую смолу, смешанную с серебряной пылью и пеплом. Это вещество намертво

вьелось в ткани, заменяя собой утраченную кожу и плоть. Оно слабо пульсировало в такт биению сердца Рады.

— Что... что ты со мной сделала? — в ужасе прошептала Рада, пытаясь отодвинуться, но тело ее не слушалось.

— Залатала дыру, — равнодушно пожала плечами Марена, зачерпывая варево и пробуя его на вкус. — Камень сжег твою нечистую метку, да, но он сжег и мясо. Ты бы сгнила за пару дней, и никакие травки твоего Жихаря-дурака тебе бы не помогли. Я слепила тебе новую плоть. Из того, что было под рукой. Могильная земля Змеинового Яра, пепел с алтаря Велеса, яд черной гадюки да немного моей слюны. Радуйся, девка. Теперь эта рука не сгниет.

— Она... она не чувствует ничего, кроме холода.

— И не будет, — Марена поднялась, опираясь на узловатую палку, и медленно подошла к ложу Рады. Ее черный глаз уставился в лицо девушки. — Это не лекарство, Рада из Черного Яра. Это мое проклятие.

Рада замерла. Внутри похолодело. — Зачем? Я пришла к тебе за помощью! Я не желала тебе зла!

— Глупая, — старуха наклонилась, от нее пахло смертью и древними тайнами. — Ты думаешь, проклятие — это всегда злоба? Нет. Проклятие — это цена. Ты влезла в игры древних сил. Хозяин Вод пометил тебя, сделал своей суженой. Ты разорвала помолвку, прижав руку к алтарю пустоши. Ты думаешь, он это простит? Ты думаешь, он просто булькнет и уйдет спать на дно Омута?

Старуха ткнула костлявым пальцем в черную, засмоленную руку девушки. Рада не почувствовала прикосновения, лишь глухой толчок.

— Твоя человеческая плоть слаба. Чтобы противостоять воде, нужна земля. Мертвая, ядовитая земля. Я привязала хтонь к твоему телу. Эта рука больше не сможет гладить детей. Она не сможет обнять возлюбленного, не вызвав у него омерзения. Любое живое существо, не зараженное магией, будет чувствовать могильный холод от твоих прикосновений. Твое тело будет жить, но часть тебя отныне принадлежит царству мертвых. Вот моя цена за твою жизнь. Ты теперь меченая дважды.

Слезы бессилия навернулись на глаза Рады. Она бежала от участи стать монстром реки, чтобы в итоге превратиться в монстра суши. Уродку с мертвой рукой, сотканной из яда и могильной земли.

— Зачем мне тогда жить? — прошептала она, отворачиваясь к стене из костей. — Я не смогу вернуться к людям. Они убьют меня, как только увидят это.

— А тебе и не нужно к ним возвращаться, чтобы прясть пряжу, — жестко отрезала Марена. — О, людишки сами приползут к тебе на коленях. Скоро. Очень скоро.

— О чем ты?

Волхвितка отошла к очагу, бросила туда горсть какого-то порошка. Пламя вспыхнуло зеленым, осветив ее жуткое лицо.

— Речной демон уязвлен. Ты не просто сбежала, ты унизила его, ударив обсидианом, а затем спалив его семя на алтаре. Вода не терпит унижений. Она злопамятна. Он не может достать тебя здесь, в Яру. Моя магия старше его. Но он отыграется на тех, до кого может дотянуться.

Марена повернула голову к Раде.

— Он придет в Черный Яр. Он не будет звать девок песнями в камышах. Он прогневался. Он поднимет Свирь. Он затопит их посеи, отравит колодцы черной тиной. Мертвяки из Омута ползут на берег. Он будет морить их жаждой и страхом, пока они сами не притащат тебя к реке, связанную по рукам и ногам, и не бросят в воду как плату за свою жалкую жизнь.

Рада приподнялась на локте, забыв о слабости. Перед глазами встали лица ее соседей. Да, они отвернулись от нее в минуту страха, но там были и дети, и старики. Они не заслуживали участи быть утянутыми на дно речной нежитью.

— Его можно убить? — твердо спросила Рада. Ее голос перестал дрожать.

Марена довольно хмыкнула, словно услышала именно то, что ожидала. — Убить реку? Нельзя. Но можно оторвать Хозяину Вод его жабры, вырвать его гнилое сердце и заставить его уснуть еще на триста лет.

— Как?

— Не обсидиановым ножом, девка. Камень может ранить плоть, но не убьет суть. Чтобы уничтожить Хозяина, нужно отравить саму воду, из которой он черпает силу.

Старуха снова подошла к Раде и взяла ее за черную, изуродованную левую руку.

— Вот твоё оружие. Мое проклятие. Эта рука полна яда Змеиногo Яра. Она полна смерти, которая ненавидит жизнь реки. Если ты окунешь эту руку в его воды, когда он будет на пике своей силы, ты станешь для него отравой. Ты выжжешь его изнутри.

— Но для этого мне придется подойти к нему вплотную... — Рада слотнула, вспоминая гипнотическую силу его поцелуя.

— Хуже, — осклабилась Марена. — Тебе придется войти в его стихию. Не бежать, не прятаться. Тебе придется прийти к нему в ночь, когда луна будет полной, снять с себя все обереги и войти в Свирь. Раздетой, беззащитной на вид. Позволить ему думать, что ты сдалась. Что ты пришла принять его объятия.

— Он утянет меня на дно прежде, чем я успею что-то сделать!

— Не утянет. Он самоуверен. Он захочет насладиться своей победой, захочет выпить твою душу медленно, глядя тебе в глаза, — старуха наклонилась так близко, что Рада почувствовала ее дыхание, пахнувшее сырой землей. — И когда он раскроется, когда попытается слиться с тобой — вот тогда ты ударишь. Ты вонзишь эту проклятую руку ему прямо в грудь, в то место, где у людей бьется сердце, и выпустишь весь яд Нави в его воды.

Рада смотрела на свою черную руку. Она была уродливой, чужой, мертвой. Но теперь она понимала замысел старой волхвистики. Марена не просто спасла ее — она выковала из нее оружие.

— Это убьет и меня? — тихо спросила девушка.

— Может быть, — равнодушно ответила старуха, возвращаясь к очагу. — Вода будет сопротивляться. Она попытается сварить тебя заживо. Но если ты не сделаешь этого, погибнешь не только ты, но и весь твой род. А речной бог станет непобедимым. Выбор за тобой, ворона. Можешь остаться здесь, в Яру. Будешь мыть мне котлы и собирать змеинный яд до конца своих дней. Демон сюда не сунется.

Остаться здесь. Стать приживалкой сумасшедшей ведьмы в мире, где нет солнца. Спрятаться от судьбы. Рада закрыла глаза. Она вспомнила смех Милицы до того, как та шагнула в Омут. Вспомнила тяжелый взгляд Белояра. Вспомнила мертвые, бездонные глаза речного демона, обещающие ей вечный, гнилой покой.

Она не будет прятаться. И она не будет жертвой.

Рада открыла глаза. В них больше не было девичьего страха. В них зажегся темный, холодный огонь существа, принявшего свою судьбу и свое уродство.

— Я не останусь мыть твои котлы, Марена, — голос Рады окреп, в нем зазвучали стальные нотки. — Научи меня, как управлять этой рукой. Как высвободить яд, когда придет время.

Старуха обернулась. В ее единственном черном глазу мелькнуло нечто, похожее на уважение.

— Хорошо, девка. Хорошо. Я научу тебя. Но помни: то, что мертво, не может вернуться к жизни. Отныне ты — яд. Ты — проклятие реки. И пути назад в мир теплого солнца и человеческой ласки у тебя больше нет.

Следующие несколько дней слились для Рады в один бесконечный, мучительный ритуал.

Она не выходила из костяного шатра. Марена заставляла ее пить отвратительные отвары, от которых девушку рвало черной желчью, вычищая остатки речной скверны из желудка и крови.

Но самым сложным было обучение контролю.

Черная рука, дарованная проклятием Марены, жила своей жизнью. Поначалу она висела плетью, тяжелая, как чугунная отливка. Затем, под руководством старухи, Рада училась посылать в нее свою волю.

— Это не мясо, глупая! Не пытайся дергать мышцами, их там нет! — кричала Марена, больно лупя Раду палкой по здоровому плечу. — Думай о гневе! Думай о ярости! Земля слушается только силы!

И Рада думала. Она вспоминала удушающий поцелуй Хозяина Вод. Вспоминала боль на алтаре Черного камня. Она концентрировала всю свою ненависть и направляла ее в мертвую конечность.

И рука начала оживать. Пальцы, покрытые черной, как обсидиан, коркой, сжались в кулак с такой силой, что хрустнули суставы. Но это была не просто физическая сила. Рада чувствовала, как внутри мертвой плоти концентрируется тяжелая, ядовитая энергия Яра.

Однажды Марена принесла в жилище живую гадюку. Змея извивалась и шипела, скаля ядовитые зубы.

— Возьми ее, — приказала волхвितка. — Проклятой рукой.

Рада протянула левую руку. Как только ее черные пальцы сомкнулись на теле змеи, произошло нечто страшное. Из руки Рады вырвался серый, призрачный дымок. Змея забилась в агонии, ее чешуя мгновенно посерела, глаза помутнели, и через пару секунд в руке девушки остался лишь иссушенный, мертвый шнурок, который рассыпался в прах, стоило Раде разжать пальцы.

Рада с ужасом смотрела на пепел, падающий на землю.

— Вот она, сила Нави, — удовлетворенно кивнула Марена. — Все живое, чего ты коснешься в гневе, обратится в прах. Вода — это жизнь в ее самом буйном проявлении. Твоя рука — абсолютная смерть. Когда они столкнутся, вода вскипит от ужаса.

— Я поняла, — тихо ответила Рада, баюкая черную руку. Она больше не боялась ее. Она стала ее частью. Ее щитом и мечом.

На шестой день пребывания в Змеином Яру, когда раны Рады окончательно затянулись, а тело привыкло к тяжести мертвой конечности, Марена разбудила ее посреди ночи.

— Пора, — сказала старуха, бросая Раде новую, чистую льняную рубаху, расшитую странными, угловатыми красными рунами, не похожими на славянские обереги. — Луна над миром налилась кровью. Полнолуние. Самое время для нечисти гулять по берегу.

Рада молча оделась. Она перекинула через плечо кожаную суму, куда Марена положила несколько пучков защитных трав на случай, если придется отбиваться от мелкой нечисти на берегу. Обсидиановый нож она спрятала в сапог — теперь ее главным оружием была левая рука.

Она стояла перед выходом из костяного шатра, глядя в желтоватый туман Яра. В груди было на удивление пусто и спокойно. Страх выгорел, оставив лишь холодную решимость.

— Иди по тропе наверх, — напутствовала Марена, стоя в тени. — Не сворачивай в Девью Топь, иди левее, через Мертвый Лес. К рассвету выйдешь к Свири, аккурат ниже по течению от Черного Яра. Днем спи, спрятавшись в корнях. А как стемнеет...

— Я знаю, что делать, Марена, — прервала ее Рада.

Она обернулась и посмотрела на старую волхвитку. — Зачем ты на самом деле мне помогаешь? Ты не похожа на ту, кто заботится о судьбе людей из деревни. Ты ведь презираешь их.

Старуха долго молчала. Ее черный глаз мерцал в полумраке.

— Презираю, — согласилась она. — Но я хранительница равновесия. Вода возомнила себя слишком сильной. Хозяин Вод нарушил древний договор, начав жрать девок и тянуть свои щупальца за пределы реки. Если его не остановить, Свирь поглотит лес, поглотит Топь, а потом доберется и до моего Яра. Я не спасаю твое племя, ворона. Я просто использую тебя, чтобы подрезать крылья зарвавшегося божку.

Рада кивнула. Честность старухи была ей по душе. В ней не было лицемерия, в отличие от жителей Черного Яра.

— Прощай, Марена. Если я выживу, я не вернусь.

— Если выживешь, тебе некуда будет возвращаться, кроме как бродить по свету, неся на себе печать смерти, — усмехнулась волхвита. — Иди. И пусть река подавится твоей яростью.

Рада шагнула за костяной порог, погружившись в ядовитый туман Змеинового Яра.

Путь обратно на поверхность был долгим и тяжелым, но теперь Рада не была той слабой, испуганной девушкой, что спускалась сюда несколько дней назад. Она больше не спотыкалась. Змеи расползались перед ней в стороны, уступая дорогу проклятой плоти.

Она поднималась из преисподней, неся в себе оружие возмездия. Она знала, что Хозяин Вод ждет ее. Он думает, что она сломлена, что она приползет умолять о пощаде.

Но он ошибался.

Рада из Черного Яра умерла на алтаре в Девьей Топи.

Глава 7

Мертвый Лес оправдывал свое название. Здесь не пели птицы, не шуршали в подлеске мелкие грызуны, и даже ветер, казалось, обходил это гиблое место стороной, боясь запутаться в иссохших, покрытых серым лишайником ветвях. Рада шла сквозь эту неподвижную, стылую вечность двое суток. Ей не хотелось ни есть, ни пить. Яд Змеиного Яра, пульсирующий в ее левой руке, изменил саму суть ее естества. Девушка чувствовала, как вместе с человеческой слабостью из нее уходят и человеческие привязанности.

Она несла свою проклятую руку, как тяжелый, обсидиановый щит. Черная, блестящая плоть, сотканная из могильной земли и гадючьего яда, не знала усталости. От нее постоянно исходил едва уловимый, мертвенный холод, от которого по спине ползли мурашки, но Рада привыкла. Эта рука была залогом ее мести. Ее билетом в один конец.

К исходу второго дня лес начал редеть. Почва под ногами из каменистой и сухой стала влажной, податливой. В воздухе, до этого пахнувшем лишь вековой пылью, появились новые ноты: сырость, гниющая древесина, запах тины и разлагающейся рыбы.

Свирь была близко.

Рада вышла к высокому, обрывистому берегу незадолго до заката. То, что она увидела внизу, заставило ее сурово сжать губы. Марена не солгала. Хозяин Вод был в бешенстве, и его ярость обрушилась на тех, до кого он мог дотянуться.

Реку было не узнать. Тихая, полноводная Свирь, кормилица Черного Яра, превратилась в разбухшего, черного монстра. Вода поднялась на несколько саженей, затопив заливные луга, прибрежные рощи и нижние надельные деревни. Могучее течение с яростным ревом волокно вырванные с корнем деревья, куски чьих-то заборов, крыши сараев и раздутые трупы домашнего скота. Над бурлящей черной поверхностью висел густой, грязновато-зеленый туман, похожий на ядовитые испарения болота.

Рада осторожно продвинулась по краю обрыва, скрываясь за стволом старой сосны, и посмотрела в сторону родного Черного Яра.

Деревня была в осаде. Нижняя улица полностью ушла под воду. Бревенчатые избы торчали из мутной жижи, словно гнилые зубы. На холме, у деревянной часовни старых богов, толпились люди. Даже отсюда, с расстояния в половину версты, Рада чувствовала их липкий, всепоглощающий животный страх. Они жгли костры, пытаясь отогнать наползающий с реки туман, но сырые дрова лишь чадили.

Вдруг на берегу началось движение. Несколько крепких мужиков, среди которых Рада с холодным безразличием узнала Белояра, тащили к кромке бушующей воды брыкающуюся фигуру. Это была молодая телка, увенчанная венками из увядших цветов. Животное мычало, чувствуя скорую смерть. Мужики полоснули жертву ножом по горлу и столкнули в черные волны. Вода мгновенно вскипела, окрасилась красным, и туша исчезла в водовороте, утянутая на дно невидимыми руками.

«Глупцы, — без тени жалости подумала Рада, наблюдая за этим жалким подношением. — Он не хочет мяса. Ему не нужна ваша скотина. Он жрет ваши души, а вы сами открываете ему пасть».

Она смотрела на лица своих соседей, освещенные всполохами костров, и не чувствовала ничего. Ни сострадания, ни желания спуститься к ним и сказать, что спасение близко. Люди предали ее при первой же опасности. Они отвернулись от нее, увидев черную метку. Теперь они платили по счетам.

Ее бой с древним демоном больше не был попыткой спасти Черный Яр. Это была личная война. Столкновение двух непримиримых сил — пожравшей все границы воды и абсолютной, мертвой ярости, сконцентрированной в теле одной смертной девушки.

Рада отвернулась от деревни и пошла вниз по течению, туда, где берег становился пологим, образуя небольшую песчаную косу, заросшую плакучими ивами. Именно там, вдали от человеческих глаз и костров, она должна была войти в воду.

Солнце село, не оставив на небе даже багровой полосы заката. Свинцовые тучи, висевшие над миром последние дни, начали медленно расходиться, словно повинаясь незримой команде. И в образовавшуюся прореху выкатился гигантский, налитой кровью диск луны.

Полнолуние. Час пиковой силы нечисти. Час, когда границы между Явью и Навью истончаются настолько, что их можно прорвать простым шепотом.

Рада спустилась к песчаной косе. Вода здесь не ревела, а зловеще шуршала, набегая на песок черными, маслянистыми волнами. Туман клубился над поверхностью, принимая причудливые, извивающиеся формы. Из глубины реки доносились странные звуки: то ли плеск крупной рыбы, то ли приглушенный, булькающий смех.

Девушка остановилась в нескольких шагах от кромки воды. Сердце в груди билось ровно и тяжело. Ей предстояло сыграть самую сложную роль в своей жизни. Она должна была убедить многовековое, хитрое существо в том, что она сломлена. Что обсидиановый нож и Черный камень не принесли ей избавления, а лишь отсрочили неизбежное, и теперь, измученная, она пришла сдаться в его объятия.

Рада опустила на колени прямо в сырой песок. Она скинула с плеча кожаную суму с обережными травами и отшвырнула ее подальше в кусты. Защита ей больше была не нужна. Если Хозяин Вод почует полынь или четверговую соль, он поймет, что это ловушка, и просто натравит на нее сотню безмозглых мавок, которые разорвут ее на куски до того, как она сможет к нему приблизиться.

Затем она потянулась правой, живой рукой к вороту льняной рубахи, подаренной Мареной.

Ритуал раздевания был необходим. Вода забирала к себе нагими, смывая с человека все признаки его земной жизни — ткани, вытканные руками, кожу, сшитую иглами. Чтобы войти в его царство как невеста, она должна была предстать перед ним такой, какой пришла в этот мир.

Но была одна сложность. Ее левая рука. Уродливая, черная конечность, пульсирующая силой могильной земли, выдала бы ее с головой. Хозяин Вод был мстителен, но не слеп.

Рада стянула рубаху через голову и отбросила ее на песок. Прохладный ночной ветер коснулся ее обнаженной кожи, покрытой грязью, мелкими царапинами от ветвей Мертвой Пустоши и синяками. В кровавом свете луны ее фигура казалась выточенной из бледного мрамора, резко контрастируя с левой рукой, которая поглощала свет, оставаясь куском абсолютного, смоляного мрака от самого плечевого сустава и до кончиков пальцев.

Девушка распустила волосы. Густые, темные пряди тяжелым водопадом спали на ее спину и грудь, частично скрывая левое плечо. Этого было недостаточно, но остальное должна была скрыть вода.

Она встала. Обсидиановый нож остался лежать в оставленном сапоге. У нее не было оружия, кроме самой себя.

Рада сделала первый шаг навстречу реке.

Ледяная вода коснулась босых ступней. Девушка вздрогнула, но не остановилась. Она зашла по щиколотку, затем по колено. Ил на дне был мягким, засасывающим, живым. Он словно ощупывал ее ноги, передавая весть о приходе долгожданной гостии в самые темные глубины Омута.

«Начинаем», — приказала себе Рада.

Она опустила плечи, сутулясь, придавая своей позе вид абсолютной обреченности. Левую руку она погрузила в воду, держа ее слегка за спиной, чтобы темная толща реки скрыла могильную черноту плоти. Правой рукой она обхватила себя за живот, словно пытаясь согреться.

Вода поднялась до бедер. Свирь мгновенно отреагировала на ее присутствие. Бурлящее течение вокруг косы вдруг стихло. Маслянистые волны разгладились, превратившись в идеальное, черное зеркало, в котором отражалась багровая луна.

Туман загустел, сжимаясь вокруг Рады плотным кольцом.

— Я пришла... — ее голос прозвучал слабо, надтреснуто. Она намеренно вложила в него всю ту усталость и боль, которую пережила в пустоши. — Ты победил.

Тишина была ей ответом. Но вода вокруг начала медленно вращаться, образуя широкую воронку, в центре которой стояла девушка.

Внезапно из тумана прямо перед ней вынырнуло бледное, раздутое лицо. Пустые, белевые глаза уставились на Раду. Мавка. За ней появилась вторая, третья. Вскоре вокруг девушки собрался целый хоровод речной нежити. Они не нападали. Они скользили вокруг нее в воде, как грациозные, мертвые лебеди, изредка касаясь ее бедер холодными скользкими пальцами.

«*Пришла Вернулась Наша сестрица*» — зашелестели их голоса прямо в голове Рады, сливаясь в тошнотворный, сладковатый хор.

Рада заставила себя не отступать. Она пустила по лицу крупную слезу, позволяя ей скатиться по щеке и упасть в черную воду.

— Где он? — прошептала она, глядя сквозь мавок. — Я больше не могу бегать. Земля мертва. Лес страшен. Я хочу... я хочу покоя.

Мавки захихикали, обнажая мелкие рыбы зубы. Их смех был похож на звон льдинок. Они начали расступаться, образуя коридор.

Вода впереди внезапно потеплела. Ледяной холод Свири отступил, сменившись тяжелым, парным жаром, пахнущим цветущими кувшинками и грозой. Это был его запах. Тот самый морок, которым он одурманил ее у Черного камня.

Гладкая поверхность воды вспучилась. Из глубины, медленно, без единого всплеска, начала подниматься фигура.

Рада затаила дыхание. Ее правая рука судорожно сжалась, а левая, скрытая под водой, налилась свинцовой тяжестью яда.

Сначала над водой появилась голова. Густые, смоляные волосы были гладко зачесаны назад. Затем показались широкие плечи, покрытые тонкой, струящейся рубашкой изумрудного цвета, которая ничуть не намочла.

Хозяин Вод предстал перед ней в своем самом обольстительном, человеческом облики. Он не стал являться ей в виде чудовища из ила и чешуи. Он был богом, древним владыкой, и сейчас он наслаждался своим триумфом.

Он возвышался над ней, стоя по пояс в воде. Его лицо, высеченное из идеального мрамора, было прекрасно и ужасно одновременно. Но Рада заметила перемену. На его левой щеке, спускаясь к шее, виднелся страшный, пульсирующий шрам — незаживающий след от ожога Черного камня, который она нанесла ему через метку. Этот шрам портил его безупречность, делая его похожим на расколотую статую.

Его глаза, два бездонных, светящихся изумрудных колодца, впились в лицо девушки. В них плескалось торжество, смешанное с садистским предвкушением.

— Ты заставила меня ждать, моя непокорная ворона, — его голос, бархатный, глубокий, завибрировал над рекой, проникая прямо в кровь. Волны вокруг послушно легли к его ногам. — Я думал, ты решишь иссохнуть в Топи, превратившись в пыль. Но человеческая плоть так жаждет ласки, не правда ли? Даже если эта ласка смертельна.

Рада опустила голову, позволяя волосам еще сильнее закрыть левое плечо. Она сделала полшага назад, изображая дрожь.

— Ты... ты разрушаешь мой дом, — прохрипела она. — Ты топишь Черный Яр.

— Они сами топят себя своим страхом, — Хозяин Вод изящно повел рукой, и мавки брызнули в стороны, исчезая в тумане. Он хотел быть с ней наедине. — Они бросают мне коров,

надеясь откупиться. Как будто я нуждаюсь в их жалких жертвах. Мне нужна была только ты. Та, что осмелилась сказать мне «нет». Та, что пустила мне кровь своим жалким камнем.

Он сделал шаг к ней. Вода расступилась перед ним, как послушная рабыня.

— Ты злишься на меня, — Рада подняла на него глаза, полные мастерски сыгранной, рабской покорности. — Я была глупа. Я слушала Жихаря. Я боялась потерять себя. Но там, в пустоши... там нет ничего. Только боль и жажда.

— А здесь — вечность, — мягко ответил демон.

Его взгляд скользнул по ее обнаженному, дрожащему телу. В этих изумрудных провалах вспыхнул огонь древней, нечеловеческой похоти. Это было желание не плоти, а полного, абсолютного обладания чужой душой. Он видел ее уязвимость, он видел отсутствие берегов, он видел, что она стоит перед ним голая, сломленная, добровольно пришедшая в его купель. Его высокомерие ослепило его. Он не сканировал воду, он смотрел только на свою добычу.

— Твоя метка сгорела на камне, — произнес он, останавливаясь в двух шагах от нее. Его рост позволял ему смотреть на нее сверху вниз. — Ты думала, что очистилась. Но связь, созданную кровью и водой, нельзя просто выжечь. Ты чувствуешь это, Рада? Ты чувствуешь, как твои вены просят влаги?

Рада кивнула, прикусив губу.

— Я... я горю изнутри. Пожалуйста. Прекрати это. Сделай то, что обещал. Забери боль. Торжествующая, жуткая в своей красоте улыбка расплылась на губах Хозяина Вод.

— Я милосерден к тем, кто знает свое место.

Он шагнул вплотную к ней. Вода между ними сомкнулась. Теперь они стояли так близко, что Рада чувствовала холод, исходящий от его тела, сквозь ткань его изумрудной рубахи. Ее лицо оказалось на уровне его груди.

Дыхание демона, пахнущее грозой и речной глубиной, коснулось ее макушки.

— Ты станешь моей самой драгоценной жемчужиной на дне Омута, — прошептал он, медленно поднимая руки. — Никакого сопротивления. Никакого страха. Только медленное, сладкое погружение во тьму. Я выпью твой последний вдох, Рада, и взамен дам тебе целую реку.

Он опустил руки на ее обнаженные плечи. Прикосновение было ледяным, обжигающим. Его пальцы, длинные и сильные, сжались на ее правой, живой ключице, притягивая девушку к себе. Левое плечо он тронул лишь вскользь, не заметив под густыми волосами грубого шва между человеческой кожей и могильной плотью.

Вода вокруг них начала закручиваться быстрее, образуя плотный кокон, скрывая их от лунного света и берега. Морок усиливался, пытаясь проникнуть в разум Рады, парализовать ее волю, заставить забыть обо всем на свете ради этого губительного объятия.

Рада закрыла глаза. Ее человеческое сердце колотилось о ребра так сильно, что, казалось, оно вот-вот проломит грудную клетку.

«Сейчас, — кричал инстинкт выживания. — Сейчас!»

Она почувствовала, как он наклоняется к ней, как его ледяные губы ищут ее губы, готовясь повторить тот самый поцелуй, который едва не выпил ее душу у Черного камня. Он был полностью открыт. Он упивался своей властью, уверенный, что птичка сама влетела в его пасть.

Под темной, бурлящей толщей воды, скрытая от его изумрудных глаз, левая рука Рады — черная, покрытая коркой могильной земли, переполненная первобытной хтонью Змеиного Яра — медленно, как сжатая пружина, начала сжиматься в кулак, готовясь к смертоносному рывку.

Глава 8

Вода Свири, еще недавно ледяная и враждебная, теперь казалась густой, как растопленный мед, и неестественно теплой. Этот парной жар, поднимающийся со дна, одурманивал, путал мысли, заставлял кровь в венах Рады течь медленнее, ленивее. Река принимала ее не как жертву, а как долгожданную любовницу, готовя ложе из черного ила и сплетенных корней.

Хозяин Вод стоял вплотную к ней. Он источал аромат грозы. Тот самый острый, свежий запах озона, мокрых камней и раздавленных стеблей белой кувшинки, который сводил с ума мавок и заставлял деревенских девок бросаться с обрывов в глубокие омуты. Этот запах проникал в самые легкие, заменяя собой кислород, заставляя дышать только им одним.

— Моя храбрая, непокорная девочка... — прошептал он. Его голос, низкий, вибрирующий, был подобен рокоту водопада, который слышен издали в тихую ночь. Он ласкал слух, обещая забвение. — Как же долго ты бегала от своей сути. Как долго ты сопротивлялась тому, что было предначертано с того самого мига, как твоя рука впервые коснулась моей воды.

Он медленно, почти целомудренно провел большими пальцами по ее ключицам. Рада судорожно вздохнула и опустила ресницы, изображая абсолютную, фатальную покорность. Ее правая, человеческая рука слабо скользнула по его груди, обтянутой тончайшим шелком изумрудной рубахи. Под тканью не билось сердце, там перекачивались упругие, холодные волны неведомой силы.

Левую руку — уродливую, мертвую, покрытую коркой могильной земли и пропитанную ядом Змеиного Яра — она держала опущенной в воду, плотно прижав к своему бедру. Темная толща реки надежно скрывала ее тайну. Морок, наведенный Хозяином Вод, сыграл с ним злую шутку: опьяненный собственной властью и предвкушением триумфа, он не смотрел в глубину, он смотрел лишь на ее лицо, искаженное поддельной мукой сдачи.

— Я устала, — выдохнула Рада, приоткрыв губы. Ее голос дрожал, срываясь на почти беззвучный шепот. — Мне было так больно... Там, у камня.

— Я знаю, моя радость. Я чувствовал твою боль, как свою собственную, — его пальцы скользнули выше, зарываясь во влажные пряди ее распущенных волос. Он бережно, словно величайшую драгоценность, приподнял ее лицо за подбородок, заставляя посмотреть ему прямо в глаза.

Вблизи его глаза были еще страшнее и прекраснее. В этих бесконечных изумрудных безднах не было зрачков, лишь закручивающиеся спирали света, похожие на водовороты, ведущие в никуда. В них можно было утонуть, раствориться без остатка, забыв свое имя, свое прошлое, свои страхи. Это был гипноз высшего порядка, магия, против которой не было защиты у человеческого разума.

Рада почувствовала, как остатки ее воли начинают таять под этим взглядом. Марена предупреждала ее. Вода хитра. Она не ломает кости, она размягчает душу. Девушка заставила себя вспомнить скрипучий голос старой волхвительницы, запах жженой серы и мертвую пустошь Девьей Топи. Она должна была удержать свой разум на самом краю пропасти, балансируя между ролью влюбленной жертвы и хладнокровной убийцы.

— Теперь боли не будет, — пообещал демон. Его лицо медленно приближалось к ее лицу. На левой щеке, там, где пролегал уродливый шрам от ожога обсидианом, мышца слегка дернулась. — Я смою с тебя человеческую грязь. Я смою с тебя память о тех, кто тебя предал. Мы уйдем на дно, туда, где лунный свет становится серебряной пылью, а время замирает навсегда. Ты будешь спать в моих объятиях, укрытая шелком подводных трав. Ты станешь частью меня. Моей королевой. Моей вечностью.

Его губы коснулись ее губ.

Это прикосновение не было похоже на тот яростный, пожирающий поцелуй у Черного монолита. Сейчас он никуда не спешил. Он наслаждался моментом своего полного превосходства. Его губы, прохладные и мягкие, как лепестки лотоса, нежно скользнули по ее рту, пробуя на вкус, дразня, завлекая.

Рада ответила на поцелуй. Она должна была заставить его поверить. Она слегка приоткрыла губы, позволяя его дыханию проникнуть в ее легкие. Вкус был невыносимо сладким, с легкой ноткой влажной мяты и талого снега. Эта сладость мгновенно ударила в голову, как самое крепкое медовое вино. Мир вокруг качнулся и поплыл. Плеск волн о песчаную косу исчез, крики ночных птиц растворились во тьме. Остался только он. Его запах, его холодная, совершенная плоть и это обволакивающее чувство абсолютной защищенности.

Хозяин Вод глухо застонал прямо в ее губы. Этот звук, полный древней, нечеловеческой страсти, заставил воду вокруг них забурлить мелкими пузырьками. Он обхватил ее за талию, прижимая ее нагое, теплое тело к себе так крепко, что между ними не осталось ни миллиметра пространства.

Вода делала их объятия невероятно скользкими, гладкими. Их тела терлись друг о друга, создавая безумный контраст температур: обжигающий жар человеческой крови, бегущей по венам Рады, и могильный, бездонный холод речного божества. Шелковая ткань его рубахи, пропитавшаяся водой, казалась второй кожей, которая теперь облепила и грудь девушки. Рада чувствовала каждый изгиб его твердого, как камень, тела.

Его руки скользили по ее мокрой спине, изучая каждый позвонок, спускаясь ниже, к бедрам. Его прикосновения были властными, собственническими. Он клеймил ее своим холодом. Каждое поглаживание отзывалось в теле Рады сладковатой судорогой. Морок был слишком силен. Физическое удовольствие, которое он вливал в нее через кожу, смешивалось со страхом, рождая невероятный, губительный экстаз.

«Сдаться... — прошептал вкрадчивый голос в ее сознании, звучащий точь-в-точь как голос Хозяина Вод. — Зачем бороться? Посмотри, как это прекрасно. Просто позволь водам сомкнуться над твоей головой. Я дам тебе блаженство, которого не знал ни один смертный. Ты станешь богиней...»

Он углубил поцелуй. Его влажный, прохладный язык властно вторгся в ее рот, сплетаясь с ее языком. Вместе с этим прикосновением в тело Рады хлынула его магия. Густая, тягучая, она скользила по пищеводу, замораживая внутренности, погружая органы в состояние сладкого летаргического сна. Он начинал пить ее. Медленно, по капле, вытягивая ее человеческую искру, ее ярость, ее огонь, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту своей темной, подводной сутью.

Рада задохнулась, но не отстранилась. Напротив, она запрокинула голову, подставляя ему свою беззащитную шею. Ее правая рука обвилась вокруг его шеи, зарываясь пальцами в густые, шелковистые волосы на затылке. Она выгнулась дугой, прижимаясь животом к его животу. Это был танец смерти, замаскированный под акт величайшей любви.

Хозяин Вод был ослеплен. Он чувствовал биение ее сердца, чувствовал, как дрожит ее плоть, как ее дыхание сбивается в прерывистые всхлипы. Он видел в этом лишь страсть и подчинение. Древний демон, столетиями игравший чужими судьбами, не мог даже помыслить, что смертная девчонка способна на столь изощренное коварство. Он полностью раскрылся, сбросив свои ментальные щиты, желая слиться с ней в единый поток энергии.

Его губы оторвались от ее рта и заскользили вниз, по подбородку, покрывая поцелуями ее трепещущую шею. Он целовал ямочку между ключицами, его холодное дыхание обжигало мокрую кожу. Вода вокруг них поднялась еще выше, достигнув груди. Река словно обнимала их своими черными крыльями, скрывая от всего мира, готовясь утянуть любовников в вечную бездну Омута.

— Моя... — прорычал он, прижимаясь лицом к ее груди. В его голосе больше не было бархата, лишь первобытный, клокочущий голод. — Навсегда моя.

Пора.

Разум Рады, скованный сладким ядом его магии, взорвался ослепительной вспышкой боли и ясности. Она вспомнила черные вены на своей руке. Вспомнила запах паленого мяса на алтаре. Вспомнила безликих мавок, кружащих в вечном, бессмысленном хороводе на дне.

Она не станет одной из них.

Под водой, скрытая мраком реки, левая рука Рады ожила.

Мертвая плоть, сотканная из могильной земли, не знала тепла и страсти. В ней не было крови, чтобы закипать от его ласк. В ней дремала концентрированная, хтоническая ненависть Змеиноного Яра. Проклятие Марены, терпеливо ждавшее своего часа, проснулось.

Рада почувствовала, как от плеча к кончикам черных, ороговевших пальцев устремляется тяжелая, свинцовая мощь. Вода вокруг левой кисти внезапно стала нестерпимо ледяной, а затем начала мелко вибрировать. Яд смерти требовал выхода.

Хозяин Вод ничего не заметил. Он был слишком поглощен процессом выпивания ее души, слишком опьянен ее кажущейся покорностью. Его руки скользнули с ее талии ниже, властно сжимая ягодицы, притягивая Радю еще ближе, чтобы она почувствовала всю глубину его желания. Его лицо покоилось на ее груди, прямо над сердцем.

Это было идеальное положение.

В глазах Рады, еще секунду назад затуманенных фальшивой страстью, вспыхнул сухой, безжалостный огонь Девьей Топи. Вся ее человеческая слабость, весь страх и сомнения сгорели в этом огне, оставив лишь чистую, кристаллизованную ярость.

Она напрягла мышцы пресса и, используя его же объятия как опору, резко, с нечеловеческой силой выбросила левую руку из-под воды.

Движение было стремительным, как бросок кобры.

Черная, блестящая от влаги конечность с растопыренными, похожими на костяные лезвия пальцами взмыла вверх и с влажным, тошнотворным хрустом вонзилась прямо в спину Хозяина Вод, пробив изумрудный шелк рубахи ровно между лопаток.

Удар был такой чудовищной силы, что пальцы Рады, пронзив его спину, хрящи и иллюзорную плоть, прошли насквозь и вышли из его груди прямо между ее собственными грудями.

Время остановилось.

Скользкие, страстные объятия мгновенно превратились в капкан смерти.

Хозяин Вод замер. Его тело, прижатое к Раде, окаменело. В первое мгновение он даже не осознал, что произошло. Древнее божество, не знавшее поражений тысячелетиями, просто не могло поверить в то, что его тело пробито насквозь.

Затем пришла боль. Не та, от которой обжигает обсидиановый нож. Это была боль разрушения самой сути.

Яд Змеиноного Яра, концентрированная смерть Нави, до этого сдерживаемый внутри черной руки Рады, хлынул в открытую рану. Могильная земля, пепел и гадючья желчь вступили в реакцию с чистой магией реки.

Это было похоже на то, как если бы в хрустальный сосуд с родниковой водой плеснули кипящую серную кислоту.

Глаза Хозяина Вод — бездонные изумрудные омуты — распахнулись так широко, что кожа на скулах натянулась и лопнула. Зрачки-водовороты остановились. В них больше не было ни страсти, ни торжества, ни обольщения. В них плескался первобытный, абсолютный ужас.

Он попытался закричать, но из его приоткрытых, красивых губ, которые еще секунду назад дарили Раде сладкий поцелуй, вырвался лишь булькающий, клокочущий хрип. Из его рта вместо слов хлынула густая, черная, вонючая жижа, смешанная с серым пеплом.

— Твои объятия слишком холодны, — прошипела Рада ему прямо в лицо. Ее голос больше не дрожал. Он был твердым, как гранит. — Согрейся.

Она провернула свою мертвую руку в его груди, растопыривая пальцы внутри его тела, выпуская еще больше яда.

Река вокруг них сошла с ума.

Гладкая, послушная поверхность Свири взорвалась. Вода вокруг них мгновенно закипела. Белые пузыри пара с шипением поднимались со дна, обдавая Раду жаром. Черная вода приобрела мертвенный, свинцово-серый оттенок гнили. Яд отравлял не только демона, он отравлял ту часть реки, которая была с ним связана.

Идеальная человеческая маска Хозяина Вод начала стремительно распадаться.

Это было чудовищное зрелище. Под действием яда Змеиного Яра его плоть плавилась, как воск над костром. Прекрасное лицо потекло, обнажая под собой жуткий, рыбоподобный череп с рядами прозрачных, загнутых внутрь клыков. Изумрудные глаза лопнули, превратившись в две пустые, сочащиеся черной слизью глазницы. Жабры на шее, скрытые до этого гладкой кожей, раскрылись, судорожно хлопая, пытаясь втянуть в себя воду, но вода теперь была для него ядом. Она сжигала его изнутри.

Его руки, еще недавно так нежно гладившие спину Рады, превратились в уродливые когтистые лапы, покрытые крупной, осклизлой чешуей. Он попытался оттолкнуть ее, попытался разорвать этот смертельный контакт. Его когти впились в ее правое плечо, раздирая кожу до крови.

Рада вскрикнула от боли, но не отступила ни на шаг. Она лишь крепче стиснула зубы и еще сильнее вжала его в себя, не позволяя ему вырваться с ее черной руки, пронзившей его грудь. Теперь уже она держала его в скользких объятиях, не давая ему уйти на спасительное дно.

— Нет! — булькающий рев демона прорвался сквозь бурлящую воду. Это был крик существа, которое заживо разлагается. — Моя река! Моя сила!

Его тело забилося в агонии. Волны вокруг них поднимались на высоту человеческого роста и с грохотом обрушивались вниз, поднимая со дна тучи ила. Вода приобрела запах тухлой рыбы, паленой шерсти и застарелой крови.

Проклятие Марены работало безотказно. Мертвая плоть руки Рады поглощала жизненную энергию речного бога, перерабатывая ее в серый пепел. Девушка чувствовала, как сквозь ее пальцы струится его распадающаяся суть. Это было отвратительно, мерзко, но вместе с тем в этом было какое-то дикое, жестокое торжество справедливости.

Хозяин Вод терял форму. Его ноги, скрытые под водой, слились в единый бесформенный хвост, который бешено колотил по дну, взбаламучивая песок. Его туловище, пронзенное ее проклятой рукой, начало разваливаться на куски гниющей тины и водорослей.

В последней, отчаянной попытке спастись, демон с невероятной силой отшатнулся назад.

Его тело с отвратительным чавкающим звуком сорвалось с левой руки Рады. Черные пальцы девушки, блестящие от его мерзкой крови, вышли из его груди, вырвав вместе с собой огромный кусок пульсирующей, серой слизи — то, что заменяло ему сердце.

Рада, не удержав равновесия от резкого толчка, упала на спину, скрывшись под кипящей водой.

Но она тут же вынырнула, отплеываясь от горькой, отравленной влаги, и тяжело опираясь на дно своей живой, правой рукой.

Хозяин Вод отступал.

Он превратился в чудовищную, разлагающуюся массу, возвышающуюся над водой на несколько саженей. У него больше не было лица, лишь зияющая, пульсирующая пасть, из которой вырывались стоны агонии. Из огромной дыры в его груди хлестал серый ядовитый пар.

Яд лишил его способности удерживать человеческий облик и отнял большую часть силы. Он был отравлен собственной стихией.

— Т-ты... проклятая тварь... — прохрипела разлагающаяся масса. Слов уже не было, лишь отголоски мыслей, передающиеся через вибрацию воды. — Ты отравила мои воды... Но река... река длинная. Я засну... я очишусь... Я вернусь за тобой!

С жутким, воющим звуком, от которого по спине Рады побежал липкий холод, останки Хозяина Вод рухнули в воду. Поднялась огромная, черная волна, обдавшая девушку с ног до головы.

Водоворот, образовавшийся на месте падения демона, с чудовищной силой закрутился, засасывая в себя гнилую воду, ил и пепел. Хозяин Вод уходил на самое дно своего Омута, забивался в самую глубокую подводную пещеру, чтобы там, во мраке и холоде, попытаться переварить яд и залечить раны. Марена была права: убить реку окончательно нельзя. Но Рада заставила его уснуть. На сотню лет, а может, и на триста.

Свирь бушевала еще несколько минут, а затем, словно лишившись своего сумасшедшего кукловода, начала стремительно успокаиваться. Бурление стихло. Грязный туман растаял под лучами кровавой луны.

Рада стояла по колено в воде, тяжело, со свистом втягивая ночной воздух в горящие легкие. Ее тело дрожало от невероятного напряжения и холода. Правое плечо кровоточило там, где когти демона оставили глубокие борозды.

Она посмотрела на свою левую руку. Черная, покрытая коркой могильной земли, она слабо дымилась. Яд сделал свое дело, но рука никуда не исчезла. Она навсегда останется с ней — напоминание о цене, которую пришлось заплатить за свободу.

Рада медленно, шатаясь от слабости, побрела к песчаному берегу. Вода, еще недавно казавшаяся такой густой и нежной, теперь была просто холодной, мутной жидкостью. Река стала обычной рекой. Магия покинула ее.

Выбравшись на песок, девушка рухнула на колени, а затем упала ничком, уткнувшись лицом во влажную землю. Она чувствовала, как бьется ее живое сердце. Она была жива. Израненная, проклятая, отравленная ядом и речной скверной, но жива.

Где-то там, выше по течению, в Черном Яре люди все еще жгли костры, ожидая конца света. Они не знали, что страшный бог, требовавший человеческих жертв, теперь сам корчится в агонии на дне реки. Они не знали, что та, кого они изгнали, кого проклинали и боялись, спасла их жизни ценой собственной человечности.

Рада перевернулась на спину и посмотрела на луну. Ее больше не волновала судьба деревни. Черный Яр остался в прошлой жизни.

Девушка поднялась, нашла на песке свою холщовую рубаху и медленно оделась, морщась от боли в разодранном плече. Черную руку она спрятала в длинный рукав.

Она не смотрела на реку. Ей больше не нужно было оборачиваться. Впереди ее ждал долгий путь.

Глава 9

Утро над Черным Яром занялось тихо, болезненно и уродливо. Серое, воспаленное небо неохотно исторгло из себя тусклый свет, обнажив перед измученными людьми картину чудовищного разорения. Но главное, что первыми осознали жители деревни, едва продрав глаза после бессонной, полной животного ужаса ночи, — это звенящая, мертвая тишина.

Свирь больше не ревела. Безумный, всепоглощающий гул взбесившейся воды, который последние несколько дней сводил людей с ума, заставляя затыкать уши воском и прятать плачущих детей в темных погребках, исчез.

Люди начали осторожно, словно побитые собаки, высовывать носы из своих изб, сгрудившихся на верхней улице, вокруг деревянной часовни. То, что они увидели внизу, заставило многих истово перекреститься, а других — сплюнуть через левое плечо, отгоняя нечистого.

Река отступила. Но она не просто вернулась в свое привычное русло. Свирь сжалась, усохла, обнажив десятки саженной пологого берега, который еще вчера был скрыт под бурлящими, черными волнами. Однако обнажившееся дно не радовало глаз привычным желтым песком или гладкой речной галькой. Весь берег, нижние заливные луга, покосившиеся заборы и гнилые венцы затопленных накануне домов были покрыты толстым, липким слоем серой, вонючей жижи.

Эта жижа не была обычной речной тиной. От нее исходил густой, тошнотворный смрад, в котором смешались запахи гниющей рыбы, паленой шерсти и застоявшейся могильной земли. На сером иле то тут, то там валялись раздутые, покрытые странными язвами тушки рыб, которых не успели склевать вороны, потому что даже вороны покинули Черный Яр этим утром, испугавшись смрада пустоши.

Староста Ратибор, седой, кряжистый мужик с пудовыми кулаками и жестким взглядом, стоял на пригорке, опираясь на резной посох. Вокруг него толпились мужики и бабы, кутаясь в рваные шали и тулупы, несмотря на поднимающуюся утреннюю духоту. Ратибор всю ночь молился старым богам, обещая им щедрые дары, лишь бы вода не дошла до его собственных, богатых амбаров.

— Ушла вода! — гулко, с хриплым облегчением произнес староста, вытирая пот со лба. — Говорил же я вам, что сработает! Принял Хозяин нашу жертву! Сожрал телку, подавился ее кровушкой, да и успокоился. Вернулся в свой Омут наложниц тискать. Расходитесь, люди добрые! Беда миновала!

Толпа ответила нестройным, гудящим вздохом. В голосах звучало облегчение, но оно было надломленным. Люди смотрели на свои изуродованные дворы, на поваленные заборы, на серую, пузырящуюся грязь, и радость застревала колом в пересохших горлах.

Вдруг толпа расступилась, пропуская высокого, широкоплечего парня. Это был Белояр.

Лучший охотник Черного Яра выглядел так, словно сам только что восстал из мертвых. Его льняная рубаха была разодрана на груди, глаза налились кровью от бессонницы и непролитых слез, а на скулах ходили желваки. В правой руке он судорожно, до побелевших костяшек, сжимал тяжелую медвежью рогатину с широким стальным наконечником. Он не спал с той самой купальской ночи, когда Омут забрал его невесту. Он бродил по берегу, как голодный волк, вглядываясь в черную воду, желая лишь одного — вонзить сталь в плоть чудовища.

— Чему радуешься, Ратибор? — голос Белояра прозвучал хрипло, как рык раненого зверя. Он подошел к старосте вплотную, не выказывая должного уважения. — Тому, что он нажрался и спать лег? А моя Милица? А те дворы, что он снес? Думаешь, корова его насытила? Эта тварь смеется над нами со дна!

— Остынь, охотник, — нахмурился Ратибор, делая полшага назад, потому что от Белояра исходила почти осязаемая, безумная ярость. — Твое горе велико, никто не спорит. Но деревня спасена. С рекой воевать — что с ветром драться. Копье твое тут не поможет.

— Я найду его лежбище, — прошипел Белояр, опуская острие рогатины к серой грязи. — Вода ушла. Теперь ядром на дно не утanut. Я пройду по этой грязи до самого Омута и выпотрошу его, если он еще смеет дышать.

— Слепец, — раздался скрипучий, каркающий голос.

Сквозь притихшую толпу просеменил Жихарь. Старый знахарь кутался в свой безразмерный балахон, пропахший сушеными травами. Его лицо, испещренное глубокими морщинами, походило на кору старого дуба. В отличие от остальных, он не смотрел ни на старосту, ни на обезумевшего от горя охотника. Его единственный зрячий глаз был прикован к серой кромке воды.

Свирь была больной. Знахарь видел это так же ясно, как видел солнце в ясный день. Вода не струилась, она вяло перекачивалась, тяжелая и густая, словно в венах реки свернулась кровь. И этот запах... Жихарь шумно втянул воздух ноздрями. За запахом тухлятины крылось нечто иное. Резкий, мертвый дух сухой земли и змеиного яда. Дух пустоши.

«Рада... — тоскливо подумал старик. — Что же ты натворила, девочка? Ты не просто сбежала. Ты ударила его».

Опираясь на свою узловатую палку, Жихарь спустился с холма прямо к серой грязи.

— Эй, старый! — окликнул его Ратибор. — Куда поперся? Не видишь, там слякоть!

Жихарь не ответил. Он подошел к границе ила, опустил на колени, не обращая внимания на то, что грязь мгновенно пропитала его штаны. Старик зачерпнул горсть серой жижи. Она была ледяной, неестественно холодной для летнего утра, и больно пощипывала кожу на пальцах. Жихарь поднес ее к лицу. В серой массе мерцали мельчайшие черные крупинки, похожие на пепел.

— Отрава... — прошептал знахарь, с ужасом осознавая масштаб произошедшего.

Он резко поднялся и обернулся к толпе.

— Слушайте меня! — закричал Жихарь, потрясая перепачканной рукой. — Не смейте радоваться! Ваша корова тут ни при чем! Река больна! Кто-то влил в нее смерть!

Белояр сделал шаг вперед, его ноздри хищно раздувались. — О чем ты бормочешь, старик? Какая смерть? Тварь сдохла?

— Я не знаю, сдохла ли она, Белояр! — рявкнул в ответ Жихарь. — Но Хозяину Вод нанесли страшную рану. Эта грязь — не ил. Это гной реки. Это яд! Не смейте подходить к воде! Не поите скот! Не стирайте белье! Колодцами пользуйтесь, теми, что на верхней улице стоят!

Но страх в людях за ночь выгорел, уступив место раздражению и бытовым заботам. Жизнь брала свое. Ратибор махнул рукой, сплевывая под ноги.

— Совсем из ума выжил хрыч. Река — она и есть река! Вымоет всю дрянь за день, и снова чистая будет. Бабы! — староста повернулся к женщинам. — Чего встали? Идите разгребайте нижние дворы, пока эта дрянь на солнце не засохла в камень! Мужики, топоры берите, будем венцы подгнившие менять!

— Вы слепцы! — в отчаянии крикнул Жихарь, но толпа уже начала расходиться.

Белояр тоже отвернулся. Его не интересовали бредни старика про отравленную воду. Его интересовала только месть. Охотник закинул рогатину на плечо и тяжелым шагом направился к своему двору — точить ножи и готовить багры. Он не верил в магию, он верил в сталь.

Жихарь остался один на берегу, с ужасом глядя на черные, маслянистые разводы, покрывающие умирающую реку. Деревня, ослепленная спасением, спешила вернуться к нормальной жизни. И это слепое желание спокойствия должно было обойтись им очень, очень дорого.

К полудню солнце все-таки прорвало плотные облака, и Черный Яр превратился в зловонную парную баню. Серая грязь на нижних улицах начала подсыхать, покрываться коркой и трескаться, источая еще более удушливый запах гнили.

Зоряна, дочь мельника, сидела на крыльце своего крепкого дома, расположенного на самом верху холма, и раздраженно расчесывала свои длинные, светлые волосы костяным гребнем. Она была первой красавицей в деревне. Круглолицая, румяная, с большими голубыми глазами и крутыми бедрами. До того, как река взбесилась, к ней сватались сыновья самых зажиточных дворов.

Зоряна терпеть не могла Раду. Ей, как и многим, было завидно, что парни тайно заглядывались на угловатую, темноволосую дикарку с ее странным, пронизывающим взглядом. Когда выяснилось, что Рада отмечена речным демоном, Зоряна была в числе тех, кто громче всех радовался ее изгнанию. «Туда ей и дорога, ведьме проклятой», — думала тогда красавица, примеряя перед медным зеркальцем новые ленты.

Теперь Рады не было, река успокоилась, и жизнь должна была наладиться. Парни снова должны были смотреть только на нее. Но была одна проблема.

В деревне катастрофически не хватало чистой воды.

Нижние колодцы были затоплены и забиты тухлой жижей. Верхние, из-за наплыва людей, быстро вычерпали до самого песчаного дна. Нужно было ждать до вечера, пока они снова наполнятся, а Зоряне нестерпимо хотелось смыть с себя липкий пот страха и пыль бессонной ночи. Ей нужно было вымыть волосы, чтобы вечером выйти на улицу нарядной — она знала, что Васятка, сын кузнеца, будет сегодня помогать чинить изгородь неподалеку.

Из дома вышла мать Зоряны, дородная женщина с покрасневшим от жары лицом, неся в руках два пустых деревянных ведра на коромысле.

— Зорянка, хватит космы чесать, — устало вздохнула мать. — Иди к реке. В колодцах муть одна, песок скрипит. Сходи к Плакучей Иве, там всегда ключи со дна бьют, вода чистая, холодная. Принеси хоть на похлебку да умыться.

Зоряна капризно сморщила нос. — Так Жихарь же орал дурниной на площади, чтоб к воде не лезли. Отрава там, говорит. Дядька Ратибор ругался, а Жихарь всё одно свое заладил.

— Тыфу на него! — отмахнулась мать, впихивая коромысло в руки дочери. — Безумный он старик. Ратибор вон уже велел скотину к нижнему броду гонять, кони пьют и недохнут пока. Река ушла, осталась грязь. Ты в грязь не лезь. Иди по камушкам, по корням. Там, где поглубже, там и зачерпни. Давай, девка, живо! Не сидеть же нам немывтыми, как свиньи в хлеву.

Спорить с матерью было бесполезно — у той рука была тяжелая. Зоряна нехотя поднялась, поправила льняной сарафан, повесила коромысло на плечо и, взяв ведра, неспешным, покачивающимся шагом направилась вниз, к реке.

Дорога вела через заброшенные огороды. Чем ниже она спускалась, тем тяжелее становился воздух. Зоряна старалась не дышать глубоко, затыкая нос краешком расшитого платка. Под ее кожаными поршнями захрустела высохшая корка серого ила.

Плакучая Ива росла на небольшом мысе, далеко в стороне от бродов, где обычно бабы стирали белье. Это было тихое, уединенное место. Корни старого, исполинского дерева уходили глубоко в воду, образуя естественный деревянный помост, нависший над рекой.

Спустившись к мысу, Зоряна остановилась. По спине пробежал неприятный холодок, несмотря на жару.

Здесь было слишком тихо. Не пели птицы, обычно гнездящиеся в густых ветвях ивы. Не стрекотали кузнечики в высокой траве. Не было слышно даже обычного журчания воды на перекатах. Свирь была похожа на густой, темный кисель, медленно текущий в неизвестность.

Серая муть у берега здесь немного рассеялась, но вода оставалась темной, непрозрачной, с маслянистыми разводами на поверхности.

Зоряна вдруг вспомнила жуткие сказки о маках, о водяных, о Хозяине Вод, который забирает красивых девушек в свой подводный дворец. Она вспомнила Милицу, которую так и не нашли.

«Глупости, — одернула себя девушка, встряхивая головой. — Староста сказал, демон нажрался коровой. Он спит на дне. А я только водицы наберу и назад».

Она ступила на толстый, скользкий корень ивы, осторожно балансируя, чтобы не испачкать обувь в серой грязи, покрывающей берег. Дерево под ее весом тихо скрипнуло.

Зоряна подошла к самому краю, туда, где ветви ивы касались черной воды, образуя зеленый шатер. Она сняла с коромысла одно ведро, нагнулась и погрузила его в реку.

Ведро наполнилось с неестественным, тяжелым хлопаньем. Вода была ледяной. Холод мгновенно обжег пальцы девушки даже через толстую деревянную ручку. Зоряна вытащила бадью и со стуком поставила ее рядом с собой на корень. Вода в ней казалась почти черной, от нее поднимался легкий, сероватый, дурно пахнущий парок.

«Господи, воняет-то как тухлятиной... Мать убьет за такую воду», — поморщилась девушка, собираясь зачерпнуть второе ведро.

Она снова нагнулась, опершись свободной рукой о корень. Ее красивое лицо оказалось в полуметре от гладкой, маслянистой поверхности Свири. Зоряна машинально посмотрела в воду, ожидая увидеть свое отражение — румяные щеки, светлые пряди, поправить выбившуюся ленту.

Но отражения не было.

Вода под ее лицом вдруг помутнела, словно со дна стремительно поднялось облако ила. А затем в этой густой мути начало проступать... нечто.

Зоряна замерла, не в силах оторвать взгляд. Ее девичий разум, воспитанный на легендах, ожидал увидеть прекрасное, бледное лицо Хозяина Вод, о котором шептались бабки. Ожидал услышать чарующий шепот, зовущий на дно. Она даже на секунду подумала, что достаточно красива, чтобы речной бог выбрал ее, а не эту дикарку Раду.

Но то, что поднималось из глубины, не имело ничего общего с древним, величественным божеством из сказок.

Это был кусок изуродованной, разлагающейся плоти.

Сквозь темную воду проступили очертания огромной, бесформенной массы, покрытой зеленоватой слизью, серой гнилью и клочьями обгоревших водорослей. Масса судорожно пульсировала, вздрагивала, словно от невыносимой, жгучей боли. На том месте, где должно было быть лицо, зияла лишь неровная, пульсирующая щель, усеянная обломками прозрачных зубов, окруженная наростами, похожими на гигантские, сочащиеся черной кровью пиявки.

Зоряна хотела кричать. Она широко открыла рот, ее легкие наполнились воздухом, но крик застрял в горле, превратившись в жалкий сип. Первобытный, парализующий ужас сковал ее тело. Она не могла пошевелиться, не могла отвести взгляд от этой хтонической мерзости, отравленной ядом пустоши.

Из пульсирующей, гниющей массы молниеносно вырвалась конечность. Это не была рука человека или изящная лапа речного духа. Это была толстая, уродливая культя, покрытая не блестящей чешуей, а болезненными, кровоточащими струпьями и длинными, костяными шипами. Пальцы, соединенные толстой серой перепонкой, оканчивались изогнутыми, почерневшими когтями.

Тварь, корчащаяся на дне, ослепленная болью и ядом Змеиного Яра, который прошлой ночью влила в нее Рада, больше не была разумным Хозяином Вод. Яд лишил ее разума. Она деградировала. Она превратилась в обезумевшее, голодное животное, жаждущее лишь одного — теплой, свежей, живой плоти, чтобы хоть на мгновение унять выжигающий изнутри некротический огонь.

Когтистая лапа вырвалась из-под воды.

Даже всплеска не было. Был лишь глухой, влажный звук страшного удара.

Острые, грязные когти вонзились прямо в прекрасное лицо Зоряны, пробивая румяные щеки и с хрустом цепляясь за челюсть. Девушка даже не успела издать писк. Сила рывка была чудовищной, не оставляющей шансов. Тварь дернула ее на себя с такой яростью, что Зоряна перелетела через корень ивы, больно ударившись грудью о край, и с глухим всплеском обрушилась в черную, кипящую воду.

Ведро, стоявшее рядом, опрокинулось. Ледяная вода вылилась на корни. Второе ведро с грохотом покатилося по деревянному помосту и упало в реку следом за своей хозяйкой.

На поверхности Свири образовался небольшой, мутный водоворот. Вода яростно забурилась на несколько секунд, окрасившись густым, бурым цветом, а затем снова разгладилась, скрыв под своей тяжелой, отравленной толщей страшную тайну.

Только одинокое деревянное коромысло осталось лежать на берегу, наполовину погружившись в вонючую, серую грязь.

Тишина вернулась на мыс у Плакучей Ивы. Мертвая, абсолютная тишина, нарушаемая лишь редким, ленивым плеском тяжелых волн о берег.

Вечер опустился на Черный Яр быстро, принес с собой не долгожданную прохладу, а душливую, парную влажность. Густые, черные тучи снова затянули небо, скрыв луну и звезды.

Мать Зоряны забила тревогу еще до заката. Сначала она ругалась на дочь, стоя на крыльце, думая, что та, как обычно, встретила подружек и заболталась у плетня, забыв о воде и домашних делах. Но когда солнце коснулось горизонта, а девушка так и не появилась, женщина, предчувствуя неладное, побежала по соседям.

Никто Зоряну не видел. Подружки божились, что весь день сидели по дворам, помогая матерям убирать грязь с нижних улиц. Парни, тайком вздохавшие по красавице, тоже пожимали плечами, отводя глаза. Васятка-кузнец сказал, что ждал ее у изгороди, но она так и не пришла.

Паника начала зарождаться медленно, как искра в сухом, пересушенном мхе.

Ратибор, мрачный и раздраженный тем, что его триумф спасителя деревни омрачается пропажей какой-то девчонки, собрал мужиков. Зажгли смоляные факелы. Толпа, человек в двадцать, двинулась к реке.

Впереди шел Белояр. Охотник вызвался сам. Его не волновала судьба глупой Зоряны, но это был повод спуститься к воде. Он шел, низко опустив голову, вглядываясь в следы на подсохшей грязи. Его глаза привыкли читать лес, и он надеялся прочесть берег. За ним семенил отец Зоряны, бледный мужичок с топором в трясущихся руках.

В самом хвосте процессии, кутаясь в свой балахон, молча шел Жихарь. Знахарь знал, что они найдут. Или, точнее, чего не найдут.

Свет факелов выхватывал из темноты изуродованные берега, поваленные деревья и слои растрескавшегося серого ила. Мужики громко звали девушку по имени, их голоса разносились над черной гладью реки, но ответом им было лишь глухое эхо да зловещий, сухой шорох камышей.

— Идем к Иве! — крикнул отец Зоряны, срывая голос. — Жена сказала, она туда пошла, за ключами! На самый мыс!

Толпа свернула. Факелы осветили старое дерево, его поникшие ветви, касающиеся воды.

Белояр подошел первым. Он опустился на одно колено, поднеся факел к земле. — Следы, — глухо произнес охотник. — Она пришла сюда. Вот отпечатки ее поршней. Мелкий шаг. Не бежала. Подошла к корням.

Один из парней, молодой Васятка, выскочил вперед, забираясь на корни. — Дядька Ратибор! Гляди!

Он указал факелом на выступающий, скользкий корень. Там, в луже грязной воды, лежало брошенное коромысло. Рядом, наполовину увязнув в иле, валялось пустое ведро.

Отец Зоряны с жутким, бабьим воем бросился вперед, падая на колени прямо в липкую грязь. Он схватил коромысло, озираясь по сторонам, словно ожидая, что его дочь сейчас выйдет из-за толстого ствола ивы и рассмеется над их страхами.

— Зорянка! Доченька! — его крик перешел в истеричное рыдание.

Мужики сгрудились вокруг, тревожно освещая темную воду.

— Поскользнулась, видать, — хмуро предположил один из деревенских, почесывая бороду. — Грязища-то какая вокруг. Корень склизкий от воды. Нагнулась за ведром, упала, а плавать-то девки наши не горазды. Утянуло на стремнину.

Ратибор с видимым облегчением кивнул. Да, несчастный случай. Трагедия, конечно, но это объясняло всё и не рушило его авторитет. — Жаль девку. Самая красивая в Яре была. Завтра поутру, как рассветет, баграми дно пощупаем, может, прибило где ниже по течению в камышах. Пошли по домам, мужики. Чего в темноте зря глаза ломать. Река свое взяла.

Но Белояр не спешил подниматься. Охотник водил пальцами по краю деревянного корня. — Не было тут скольжения, — напряженно произнес он. — Когда человек падает, он ногами скребет, кору сдирает вдоль. А тут...

Жихарь протиснулся сквозь толпу, расталкивая крепких мужиков своими костлявыми локтями. Он подошел к Белояру.

— Ты правильные следы ищешь, охотник, — тихо, но так, что услышали все, произнес Жихарь. — Только не того зверя.

Старик опустил на корточки рядом с Белояром. Его узловатые пальцы коснулись глубоких, рваных борозд на дереве, которые заметил парень. Древесина была вырвана с мясом, словно по ней ударили несколькими острыми долотами одновременно. Снизу вверх.

— Если она упала сама, — Жихарь поднял глаза на старосту, — то почему корень распорот со стороны воды? И почему грязь здесь... другая?

Васятка опустил факел ниже, освещая край помоста.

На корне и рядом с ним, смешавшись с серой мутью пустоши, лежал густой слой зеленовато-черной слизи. От нее несло такой концентрированной гнилью, желчью и смертью, что мужики невольно отшатнулись, зажимая носы рукавами.

Белояр скрипнул зубами и крепче перехватил рогатину.

Жихарь протянул свою сухую руку, игнорируя брезгливость, и подцепил с коры что-то крупное, застрявшее в древесных волокнах.

В свете пляшущего огня тускло блеснул странный предмет. Это не было похоже на лист, кусок коры или рыбу чешую. Это была чешуйка чудовищных размеров, размером с ладонь взрослого мужчины. Она была серой, мертвенной, покрытой лопнувшими язвами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.